

18+

Ник Алнек

Фантастические
миры



сборник 2



Ник Алнек

Фантастические миры. Сборник 2

«Издательские решения»

Алнек Н.

Фантастические миры. Сборник 2 / Н. Алнек — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931859-6

Данная книга является сборником фантастических рассказов о мире далекого будущего, которые пробуют донести до читателя, что не все, к чему мы стремимся сегодня, приведет к идеальной жизни наших потомков. Рассказы ранее были опубликованы отдельными книгами.

ISBN 978-5-44-931859-6

© Алнек Н.
© Издательские решения

Содержание

Нет пути назад	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Фантастические миры

Сборник 2

Ник Аллек

© Ник Аллек, 2020

ISBN 978-5-4493-1859-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нет пути назад

Глава 1.

- Расскажите немного о себе.
- Я уже рассказывал...
- Знаю. Но вы говорили с моим коллегой, а мне интересно самому услышать, а не читать досье. Обещаю, больше вас никто не потревожит.
- Я вам не верю...
- Хорошо... Тогда спрашивать буду я... Судя по записям, вам тридцать пять лет и на свет вы появились в мае, 27 числа, 3515 года, после полудня, в детском инкубаторе. Пока все верно?
- Да.
- Что это за инкубатор?
- Обыкновенный инкубатор, в котором новорожденные находятся под присмотром специально обученного персонала.
- Понятно. Итак, вы работаете в небольшой конторе по поимке беглецов и носите женское имя Софи. А если быть точным, вас зовут Софи Краут... Скажите, почему у вас женское имя?
- У моей матери было девять сыновей, но она мечтала иметь дочь. Когда она получила лицензию на ребенка женского пола, то выбрала для него имя «Софи».
- И что? Причем здесь вы?
- Выбрав имя для ребенка, моя мать закрепила его за собой... Но в момент идентификации младенца, оказалось, что из-за путаницы с маркировочными пистолетами, ей снова достался мальчик.
- Все равно не понимаю. Объясните проще.
- Куда проще... Нерадивая акушерка умудрилась перепутать меня с девочкой, лежавшей рядом, и вшила мне в бедро ее биор.
- Что такое биор?
- Биологический регистратор. Это как паспорт. В него занесена вся информация о человеке.
- Ага, теперь я вас понял. Что произошло дальше?
- Разразился скандал. Моя мать рвала и метала, но изменить что-либо было невозможно. Когда биор попадает в тело, он тут же растворяется и становится частью организма. Разумеется, с того момента любой биосканер фиксировал меня, как особу женского пола по имени Софи. Департаменту даже пришлось вносить изменения в программу сканеров, иначе в дальнейшем моя жизнь превратилась бы в одну большую проблему... У вас есть сигарета? Очень курить хочется.
- Да, конечно. Вот, возьмите... Скажите, а какое имя вы должны были получить, как особь мужского пола?
- Сократ.
- Значит, той девочке досталось мужское имя?
- Не знаю. Возможно. В тот день маркировали нескольких младенцев...
- Что было потом?
- Когда мне исполнилось четыре года, меня перевели в школу-пансион. В нем я жил и учился до восемнадцати лет.
- Другими словами, вы воспитывались вне семьи?
- Да, как и мои братья.
- Софи, чем вы стали заниматься после того, как закончили школу?

– Пошел работать. «Департамент Занятости» выдал мне направление на работу.

– Я читал, что вы сняли небольшой домик в тихой деревушке у моря, на юге Европейской провинции. Судя по записям, вы любите это место.

– Очень. Там потрясающий воздух. Он пьянит без всякого вина. Мне не хватает моего уютного дворика, дикого винограда, плетеного кресла, в котором я часто сижу с закрытыми глазами и, вытянув вперед босые ноги, слушаю шум прибоя.

– Скажите, когда вы общались с моими коллегами, то часто упоминали термин «Зазеркалье». Можно об этом поподробнее?

– Этот термин появился задолго до моего рождения. В середине двадцать первого века.

– Вы так считаете?

– Я ничего не считаю, это исторический факт.

– Даже так? Что же это за исторический факт?

– Группа ученых проводила в коллайдере какие-то очередные эксперименты. Видимо, в какой-то момент времени, даже не подозревая об этом, они запустили процесс образования пространственно-временных разломов. Поначалу их никто не замечал. Лет тридцать. Правда, время от времени, в интернете появлялись заметки о разноцветных свечениях, возникавших то тут, то там на пару-тройку минут. Писали даже о том, что невольные свидетели этих явлений клялись под присягой, что в радиусе этих свечений исчезало все, что там находилось, двигалось или произрастало. Поползли разные слухи, но видные ученые, впрочем, как и не очень, ссылаясь на физику природных явлений, миражи и что-то там еще, поспешили назвать все это безобидными фантазиями очень впечатлительных натур...

– Продолжайте...

– Когда свечения прочно обосновались на определенных участках Земли и уже не меркли ни на одну секунду, испугались все. Те, кто проживал в непосредственной близости от загадочных явлений, бросали свои дома, имущество и устремлялись в другие места. За считанные дни вымирали целые города...

– Печально. А как повели себя ученые?

– В школьных учебниках по истории сказано, что ученые пробовали оправдаться, но, когда начался весь этот хаос, к проблеме подключились военные. Они взяли под свой контроль странные зоны, затем согнали лучших ученых в какой-то бункер и заставили изучить этот странный феномен... Можно еще сигарету?

– Берите... Что еще сказано в учебниках?

– В них сказано, что вскоре ответ был найден и подтвердились давние догадки о многомерности пространства. Цитирую: «Началась новая эра в истории физики как науки, а вместе с ней и новый виток в жизни человечества»... Сначала все шло замечательно. Ученые догадались, хотя, возможно, им и подсказали, как «разорвать» ткань пространства, чтобы связать две отдаленные точки друг с другом.

– Вы сказали «подсказали». Кто подсказал?

– Не перебивайте меня, а то я запутаюсь! Я, знаете ли, в школе был не лучшим учеником. Потом... Потом вам все станет ясно.

– Хорошо. Продолжайте.

– Так вот, им подсказали, как «разорвать» ткань пространства, и человечество приобрело возможность перемещаться из одного места в другое. Теперь можно было спокойно, за считанные секунды, попасть из Парижа в Нью-Йорк, из Лос-Анджелеса в Пекин, не расходуя при этом больших денег и времени на долгие перелеты. Это привело к всеобщему ликованию. Особенно счастливы были те, кто боялся летать. Разумеется, не все сразу бросились испытывать на себе преимущества порталов – их боялись, обходили стороной, отговаривали других. Скажите, вы бы стали, рискуя своим здоровьем и жизнью, пользоваться тем, что не понимает и не принимает рассудок?

– Нет.

– Но время берет свое, и спустя какие-то несколько лет никто уже не мог представить себе жизнь без этих переходов. Отпала необходимость в транспорте. Практически отпала. Воздух стал намного чище – в него уже не попадало столько вредоносных примесей, как раньше. Люди научились путешествовать между многочисленными слоями пространства, большинство из которых оказались местами обитаемыми, где тоже жили люди, анатомически ничем не отличавшиеся от нас. Мы стали познавать их миры, торговать, влюбляться. Одним словом, мир преобразился и его – некогда более или менее видимый горизонт, стал бескрайним.

– Красиво сказано.

– Это я процитировал из школьной программы. Однажды на уроке «Сотворение мира», наша учительница рассказывала нам – шестилеткам, что мир соткан из огромного количества слоев, отличных друг от друга числом пространственных или временных координат. Она говорила: «Мироздание, дети, похоже на толстую книгу, состоящую из множества страниц, каждая из которых представляет собой целый мир со своими законами Вселенной. Мир состоит из огромного количества слоев, имеющих отдельное пространство, отличающееся от другого своими формами»... Потом она попросила ответить, из скольких координат состоит наше пространство. Но никто из нас не знал. Весь класс молча сидел на полу, скрестив ноги, и тупо смотрел на нее. Учительница тогда разозлилась и заорала: «Какие вы все глупые! Вам скоро семь лет, а вы не знаете, что мы живем в трех координатах, не считая времени!», и стала рассказывать о местах, где время имеет несколько измерений – два, три, а иногда и больше, и что все эти времена движутся одновременно, только с разными скоростями...

– Она бывала в таких местах?

– Вряд ли. Но пожелала нам когда-нибудь попасть в многовремье, чтобы по достоинству оценить его существование. В более старших классах один мой приятель пытался объяснить мне о жизни в тех слоях. Впрочем, не думаю, что вам это будет интересно.

– Вы неправы. Мне все интересно.

– Он как-то сказал: «Не знаю, как местные аборигены воспринимают свою реальность, но думаю, что на самом деле не все так плохо. Прикинь, ты познакомился с девчонкой, назначил ей свидание, ну, скажем, в парке, а сам на это свидание опоздал. И все – она ушла, на звонки не отвечает. И в то же время ты помнишь во всех подробностях, как суперски провел с ней день, у вас любовь, туда-сюда, потом вы поженились. Класс, да?».

Я тогда его спросил: «А если времен три?».

И он ответил: «Тогда еще круче, парень! В одном ты опоздал на свидание, в другом не опоздал, а в третьем, по дороге домой, встретил другую».

Я тогда еще рассмеялся и сказал: «Ага, и помню, как у нас с ней: любовь, семья, дети и все такое... А если меня чем-то придавило по дороге домой, то я живу и помню собственные похороны?».

«Ну, теоретически да», – согласился со мной приятель...

– Софи, а почему вы сказали, что сначала все было замечательно?

– Потому что позже оказалось, что не все так хорошо, как виделось в начале. Создание порталов привело к тому, что многие профессии стали просто не нужны. Люди стали терять работу, а с ней и возможность нормально существовать. Но это была лишь первая ласточка беды, что уже витала над головами людей.

– Что вы имеете в виду?

– Зазеркалье. Так многие окрестили другие реальности. Зазеркалье преподнесло человечеству удивительный подарок – новую медицину и чудеса генетики. Мы почти перестали болеть и стали долго жить.

– Сколько?

– До двухсот и более лет. Как показало время, люди были не готовы к таким сюрпризам. Жить долго хотелось всем, но не все умели долго жить. К тому же подрастало новое поколение, которому тоже требовались определенные условия для нормального обитания. И хотя многие оставались в других мирах, людей от этого не становилось меньше. Начались убийства: из-за рабочего места, жилья, еды, политических взглядов, религиозных убеждений, да и просто так. Люди сильно деградировали и сходили с ума, каждый по-своему. Выходить на улицу без оружия считалось безумием. Жизнь больше не представляла никакой ценности, и у многих пропало желание иметь потомство. Впереди маячила демографическая катастрофа, а вместе с ней разрушения во всех сферах жизни... И тогда президенты всех стран были вынуждены пойти на крайние меры. Они создали ОП – Объединенное Правительство, которое тут же изменило и засекретило коды доступа в Зазеркалье. Были образованы новые правительственные структуры. Одной из таких структур стал «Департамент Контроля над рождаемостью и смертностью», который тут же обязал каждого взрослого человека воспитать как минимум пятерых детей. Но не все хотели иметь потомство и тогда к ним стали применять довольно суровые меры наказания.

– Какие?

– Разные... Ну, к примеру, с них могли брать очень большие налоги... Могли отказать в медицинской помощи... Все это сопровождалось шквалом передач о новых взглядах на происходящие процессы в обществе, о разлагающей идеологии Зазеркалья и прочее, прочее, прочее...

– И это помогло?

– Вы знаете, да. Численность людей стала расти, и как только достигла нужной отметки, «Департамент Контроля» издал закон, по которому жить разрешалось до 150 лет. Не более. Отсрочку получали лишь те, кто, по мнению департамента, был полезен обществу – политики, ученые, деятели искусств...

– И все с этим смирились?

– Разумеется, нет! Все эти шаги со стороны ОП вызвали шквал возмущения. По миру прокатились протесты: против закрытия Зазеркалья, против принудительного ухода из жизни, против самого ОП и просто против ВСЕГО! Их, правда, быстро погасили, зачинщиков упрятали в тюрьмы, запретили ношение любого вида оружия, а в некоторых регионах ввели военное положение. И у людей начался психоз «БЖ» – Боязнь Жизни, известный в старину как «Синдром живого трупа».

– Это когда появляется устойчивое стремление к суициду?

– Да. Люди впадали в тяжелейшую депрессию, кончали жизнь самоубийством поодиночке или группами. Тогда ОП, под предлогом появления опасного вируса из Зазеркалья, объявило о начале повальной вакцинации населения новым препаратом «Пиатон». Большинство, поверив в эпидемию, выстраивались в очередь за спасительной прививкой. На деле «Пиатон» оказался обыкновенным наркотиком, обладавшим сильным седативным действием. Люди успокаивались, однако побочный эффект этого препарата вызывал у них не только физическую зависимость, но и разрушительно действовал на некоторые органы. Их замена стоила ОП огромных средств, и препарат быстро заменили на другой – «Окситон», который не только давал состояние умиротворения, но и позволял человеку не испытывать усталость на протяжении многих часов. Через пару месяцев восемьдесят процентов населения не могло обходиться без этого лекарства. Несмотря на то, что последний наркотик не приводил к сильным физиологическим разрушениям, департамент заявил, что отныне дети будут вынашиваться в специально разработанных инкубаторах...

– Расскажите мне о своей матери.

– Я не знаю, что о ней рассказывать.

– Что-нибудь, в общих чертах. Как ее зовут, как она выглядит...

- Ее звали Джул.
- Почему звали? Она умерла?
- Не знаю...
- Хорошо. Итак, ее звали Джул.

– Она была высокой, красивой, генетически абсолютно здоровой женщиной. Ни одного изъяна. Ее покойные родители были людьми успешными, богатыми и влиятельными, что дало ей возможность учиться в лучших школах, одеваться в самых дорогих бутиках и отдыхать на самых шикарных курортах. Разумеется, она читала и смотрела только то, что было разрешено и одобрено специальным «Департаментом Воспитания и Образования». Когда ей исполнился двадцать один год, она вышла замуж за старшего брата своей школьной подруги. Джул не любила его. Просто он являлся посланцем в одном из миров Зазеркалья, и это давало ей право не только беспрепятственно бывать там, но и, возможно, продлить себе жизнь.

- Она любила вас с братьями?

– Нет. Она вообще никого не любила, кроме себя. Джул предпочитала навещать своих детей сначала в инкубаторах, а затем в пансионатах. Все остальное время Джул проводила в свое удовольствие.

- Вы когда-нибудь бывали у нее дома?

– Два-три раза в год Джул устраивала семейные обеды, на которые приглашала многочисленных друзей и знакомых. Разумеется, мы – ее дети, должны были присутствовать на этих обедах.

- А как вы думаете, зачем она приглашала посторонних на семейные обеды?

- Думаю, это была показуха. Некий пиар перед другими.

- Вы часто общаетесь со своими братьями?

- Нет. Я о них даже и не думаю, впрочем, как и они обо мне.

- Скажите, а ваш отец?

– Маленьким я видел его от силы раз пять. Карьера посла не позволяла ему часто бывать дома. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, он исчез. Кто-то говорил, что его убили, кто-то предположил, что он остался в Зазеркалье и у него там другая семья. Джул очень злилась.

- Почему?

- Потому что она не могла больше посещать Зазеркалье.

– В досье сказано, что вы тоже побывали в Зазеркалье. Как вам удалось это сделать, учитывая положение дел?

- Зачем вы хотите это знать?

- Чтобы понять, как помочь. Или вам не нужна наша помощь?

- Нет... Да... Не знаю...

- Расскажите, как вы туда попали?

- Если я расскажу, вы, правда, мне поможете?

- В этом и заключается моя задача, Софи...

- Хорошо. Это случилось за месяц до моего дня рождения...

Глава 2.

В то утро звонок будильника прогремел над моим ухом, как раскат грома, заставив меня вынырнуть из объятий Морфея, а, может, и самого Гипноса с жуткой головной болью. Не открывая глаз, я сел на край тахты и, оперевшись локтями в колени, начал пальцами массировать виски. Боль стала уходить. Послышалось цоканье, и я почувствовал на своем лице горячее дыхание. Это был Хвост – моя немецкая овчарка, мой единственный друг, которому я могу рассказать все, что накопилось в моем воспаленном воображении. Я люблю его, и Хвост платит мне тем же.

– Ты-ы прро-осну-улся? – протяжно поинтересовался он.

– Почти, – ответил я и открыл глаза.

Пес стоял рядом и вилял хвостом. Протянув руку, я потрепал его по загривку.

Это теперь звери умеют говорить. Не все, но умеют. Спасибо генетикам. Лет пятьсот назад они изменили что-то в их мозгах и гортани, что привело к большому научному открытию.

– Рра-або-ота-а? – пес посмотрел на меня преданным взглядом.

– Да, приятель, – сунув ноги в шлепанцы, я с трудом поднялся и побрел на кухню. – Сейчас тебя выпущу, потом накормлю. Когда вернусь, не знаю. Я оставлю тебе еды на вечер.

– Хо-орро-ошо-о, – Хвост двинулся за мной следом.

Я открыл дверь, и он выскочил в садик.

Добежав до любимого куста, Хвост внезапно остановился и, повернувшись ко мне, про-
выл:

– Джу-ул. Вче-ерра-а.

Я поморщился. За последний месяц это был уже пятнадцатый звонок от нее. Сварив себе кофе, я уселся за стол и, поправив на своем запястье вирком, набрал номер матери.

– Слушаю, но не вижу, – раздался ее голос.

– Привет, Джул, это Софи.

– Наконец, – в ее голосе послышалось слабо скрываемое раздражение. – Я ждала твоего звонка еще вчера. Разве твоя псина не передала тебе?

– Говори, что тебе нужно. Мне скоро уходить.

– Почему я тебя не вижу?

– Нет времени подключать голограмму.

Она знала, что я вру, но ничего не сказала, лишь, наигранно вздохнув, промурлыкала:

– Ты слишком много работаешь, сын. Тебе ни на что не хватает времени. Из-за этой работы ты до сих пор не женился и не завел детишек. И друзей у тебя нет.

– У меня есть Хвост.

– Хвост, – хмыкнула в ответ Джул. – Он не может заменить тебе жену и детей. Кстати, через месяц тебе исполнится тридцать пять. Ты помнишь об этом?

– Помню, – буркнул я.

– Тогда в чем дело? Надо отпраздновать это событие. Если дело в деньгах, то я могу одолжить тебе небольшую сумму. Ты же понимаешь, после того, что сделал твой отец, я осталась совсем нищей.

– Понимаю, – согласился я. – Рестораны, модные показы, вечеринки. И везде надо поспеть. Джул, ты можешь спать спокойно, у меня есть деньги. Правда, вечеринка отменяется.

– Но..,

– Не стоит ломать комедию, мама. Мы оба прекрасно знаем, что тебя мало заботит жизнь собственных детей. Если бы не закон, ты вряд ли завела нас.

– Даже если это и так, ты не вправе упрекать меня.

– Так зачем ты звонила?

– Меня волнует судьба моего прошения в департамент. Ты случайно не в курсе, по нему принято решение?

Я знал, но надеялся, что она не спросит.

– Нет, не знаю, – снова соврал я. – Постараюсь сегодня все выяснить.

– Да-да, узнай и позвони, – в ее голосе слышалась нервозность. – Мне снова пришлось напоминание. Кстати, меня пригласили в качестве модели на грандиозное шоу. Представляешь? Оказывается, я еще интересна людям! Они придут на меня посмотреть. Меня никак нельзя лишать жизни. Ты передай им это. Никак. Я могу принести казне много денег. Ты все запомнил? И позвони. Сразу же, как только узнаешь...

Я отключился. Конечно, я ей не позвоню. Просто пошлю сообщение, что «Департамент Контроля над рождаемостью и смертью сожалеет о том, что мадам Джул Краут обязана покинуть этот мир через шесть месяцев, потому что не считает указанную в прошении причину веской для принятия положительного решения в пользу продления жизни». Еще я напишу, что департамент благодарит ее за сто пятьдесят лет преданного служения обществу и настоятельно рекомендует, обратившись в любое юридическое бюро, привести в порядок все свои дела и составить завещание. Даже посоветую ей такое бюро. Я очень надеялся, что она мне больше не позвонит, и следующая наша встреча состоится только на ее похоронах.

Прибежал Хвост. Его лапы были влажными от утренней росы.

– Ку-уша-ать, – попросил он.

Я поставил перед ним миску с едой, а сам поплелся в ванную. Там я привел себя в порядок, затем убрался на кухне, оделся и включил для Хвоста его любимый канал для животных. Он тут же, запрыгнув на мягкую тахту и вытянувшись на ней во всю длину, уставился на экран. Я улыбнулся и тихо закрыл за собой дверь...

Глава 3.

Моя контора находилась на втором этаже одного из деловых центров Европы. Когда не нужно было рыскать в поисках беглецов, я любил сидеть здесь, в небольшом кабинете, и, медленно покручиваясь в мягком кресле, наблюдать за бурлением жизни сквозь затемненное оконное стекло...

Вот и сегодня, появившись на работе раньше времени, я уселся в свое кресло и, откинувшись на его высокую спинку, развернулся к окну. Уставившись в одну точку, я принялся мысленно философствовать с собственным потоком сознания. И когда я, вконец измученный мыслями, медленно погрузился в состояние легкого транса, в мой кабинет, соблазнительно покачивая бедрами, вошла Эдит...

Восхитительная женщина! Когда я только устроился в контору, ей как раз стукнуло сто двадцать лет. Несмотря на разницу в возрасте, у нас с Эдит случился бурный роман. Она стала моей первой женщиной, и, спустя два месяца, я сделал предложение. Эдит тогда рассмеялась мне в лицо и ответила отказом. Видите ли, для семьи, нужен мужчина состоятельный, а не вчерашний школьник, который годится ей в правнуки. После того разговора мои отношения с ней стали носить исключительно рабочий характер. Правда, совсем недавно, на ее очередные вздохи по поводу того, что мужчины видят в ней только потенциальную любовницу, а не жену, я умудрился ляпнуть, что у нее еще вся жизнь впереди...

Эдит вошла в кабинет и не спеша направилась к моему столу. Аккуратно подвинув в сторону флешку с данными на беглецов, она поставила передо мной чашку с горячим какао и, развернувшись, медленно направилась к выходу. У самой двери, Эдит, лишь слегка повернув голову в мою сторону, произнесла:

– Звонил Лоренц и просил срочно с ним связаться.

– Хорошо, – ответил я.

Пожав плечом, Эдит вышла из кабинета.

Отхлебнув из чашки ароматный напиток, я поудобнее устроился в кресле и стал внимательно изучать информацию, мелькавшую на экранах регистратора. Полностью погрузившись в работу, я забыл о том, что должен позвонить Лоренцу, а когда вспомнил, у меня сразу заныли зубы.

Лоренц был моим шефом. Высокий, несколько полноватый, пятидесяти двух лет, с редкими лоснящимися волосами и маленькими, близко посаженными глазками, он производил отталкивающее впечатление. Кроме того, Лоренц постоянно что-то жевал.

Потянувшись к запястью, я с ужасом обнаружил, что на руке нет виркома. Видимо, я забыл одеть его после душа. Придется воспользоваться виртуальными очками. Они, конечно, вещь удобная и в некоторых ситуациях незаменимая, но у меня от них начинала болеть голова...

Еще задолго до моего рождения, очки стали хорошей альтернативой многочисленных гаджетов, которые к тому времени наводнили мир. Превратившись в неотъемлемую часть имиджа, очки породили многочисленных дизайнеров, придававших оправе и линзам всевозможные формы и цвет.

Не все были рады появлению виртуальных очков – многие считали, что они способствуют вмешательству в личную жизнь других людей, так как их передвижения моментально становились известны широкой публике. Суды были завалены исками. Противники использования этого устройства в общественных местах предпочитали самостоятельно вершить «правосудие». Они срывали очки с тех, кто их носил, разбивали, давили ногами. Иногда, за компанию, доставалось и владельцу очков – его избивали, а порой и калечили. Но никакие действия не могли отбить желание у тех, кто хотел постоянно находиться онлайн.

Спустя какое-то время, с теми, кто носил очки целый день, начали происходить странные вещи: их стали преследовать головные боли, резь в глазах, воспаление век, а в некоторых случаях и слуховые галлюцинации. Врачи забили тревогу – среди любителей виртуальных очков сильно возросло число онкологических заболеваний. Когда на свет стали появляться младенцы с признаками дистрофии глазного яблока и головного мозга, власти многих государств, существовавших еще в то время, запретили использование этого гаджета. Только в крайних случаях, только спецслужбам и только на короткое время. Так как я был ловцом, то имел право на ношение очков, но пользовался ими крайне редко.

Вот и сейчас, поморщившись, я нацепил их на себя и, не отрываясь от экранов регистратора, произнес вслух:

– Звонок Лоренцу.

По линзам очков пробежала рекламная строка, после чего появилось лицо жующего шефа.

– А, Краут! – с набитым ртом воскликнул он.

– Вы искали меня?

Лоренц тщательно вытер рот салфеткой и спросил:

– Ты получил новое досье на беглецов?

Я скосил глаза на левый нижний экран регистратора. По нему медленно полз список имен тех, кто не явился в «Дом Забвения» на прошлой неделе. Теперь, спустя три дня, они были объявлены в розыск и их данные поступили во все офисы, занимавшиеся поиском потенциальных покойников.

– Да, – я снова сфокусировал взгляд на шефе. – На кого-то стоит обратить особое внимание?

– Номер пятьдесят, – отозвался Лоренц. – Красная метка.

«Особо опасен», – про себя подумал я и, отыскав глазами нужный номер, прикоснулся к нему пальцем. Передо мной развернулось голографическое изображение молодой женщины с короткими темными волосами, пухлыми губами и большими синими глазами. Она улыбалась, отчего на ее щеках образовались очаровательные ямочки.

– Вы уверены, что она из беглецов? Выглядит естественно молодо. И взгляд молодой женщины.

Лоренц аж поперхнулся:

– Красная метка! Краут, проснись! Она не беглец и не подлежит уничтожению. Ее просто надо найти и доставить в «Департамент Общественной Безопасности». Хочешь знать, сколько дают за ее поимку? Миллион кредитов. Ты когда-нибудь слышал о таком?

– Нет, – ответил я. – В какое дерьмо она сунула свою миленькую головку, если за нее отваливают целое состояние?

– Тебя как ловца это не должно волновать, но я намекну. Она – дочь Артура Зарин.

– Я должен его знать?

– Софи, ты меня поражаешь! Ты не только должен, ты обязан знать его имя. Из школьной программы.

– Да я как-то не отличался большой любознательностью. Кто он такой?

– Профессор физики, возглавлял группу ученых, изучавших пространственные разломы. Я даже присвистнул:

– Не может быть! Ему же тогда...

– Очень много лет, – закончил за меня шеф. – Несоизмеримо много.

– Как же он умудрился столько прожить?

– Благодаря Зазеркалью. Он провел там слишком много времени, тем более в самых закрытых слоях, куда доступ имеют единицы. Вернулся оттуда лет сорок назад. Находился в фаворе у ОП, но спустя год был лишен всех званий, отлучен от науки и ему перекрыли доступ в иные миры. Поговаривают, что он нашел проход в срез прошлых событий.

– Это тоже в школе изучают? – поинтересовался я.

– Не ломай комедию, Краут, – шеф явно был не в настроении. – Об этом мне рассказал старина Аарон.

Аарон... Аарон... Аарон... Я пытался вспомнить, где мог слышать это имя. Ах, да! Аарон – муж сестры Лоренца. Точно! Он работает в администрации ОП и частенько, выпив больше положенного, делится слухами и сплетням, гуляющими в кабинетах власти.

– Мало того, – продолжал Лоренц, – в это же время при загадочных обстоятельствах один за другим погибают все члены его рабочей группы. Где сам профессор, никто не знает.

– Так в чем проблема? Надо проверить биосканы...

– Ему черт знает сколько лет! Тогда еще не было биоров! – побагровев, рявкнул Лоренц.

– Извините, забыл, – я откинулся на спинку кресла. – Значит, его дочь является всего лишь приманкой? А в департаменте уверены, что она знает, где находится ее родитель?

Лоренц потер мочку уха и хмыкнул:

– Это не наше с тобой дело. На кону стоят большие деньги, и это все, что меня интересует.

– Вы хотите, чтобы именно я поймал эту девицу?

– Понимаешь, Софи, ты хороший ловец. Впрочем, что я говорю. Ты один из лучших. У тебя потрясающая интуиция!

– Благодарю, – мне было приятно услышать похвалу от этого человека.

Лоренц откашлялся и продолжил:

– То, что ты видишь – приблизительная картинка того, как она может выглядеть сейчас.

– Они создали ее на основе фотоанализа отца и матери?

– Нет.

– Хорошо. Тогда, почему они не запустят фотосканеры? Быстрее получится.

– А кто тебе сказал, что они этого не сделали? Вся загвоздка в том, что они не знают ее имя, и даже если мы задержим похожую на нее женщину, то доказать, что она и есть дочь профессора будет трудно.

– ДНК ее отца.

– А у нас есть это ДНК?

– Понятия не имею.

Лоренц поджал губы:

– Софи, у нас нет его ДНК. Кстати, она из того же инкубатора, что и ты. Все, что у нас имеется – это адрес дома, где якобы профессор жил одно время. Кое-кто обещал мне придер-

жать этот адресочек на пару часов. Если поторопишься, то успеешь попасть туда первым. Принимайся за дело!

И он отключился...

Я поднялся с кресла и, сунув руки в карманы брюк, начал нервно расхаживать по кабинету из угла в угол. Я не люблю искать людей, когда за ними гоняются сотни две ловцов. Приблизившись к столу, я оперся об него руками и решил еще раз пробежаться глазами по досье дочери профессора.

Итак, «Мисс Зарин, родилась 2 августа 3515 года в австралийском отделении детского инкубатора...»

Там же, где и я.

«Присвоен номер 4.992.550.932. Была похищена из инкубатора собственным отцом и отбыла в неизвестном направлении. Настоящее имя, как и биор, неизвестно».

Интересно, как же она тогда училась в школе? Или лечилась, когда болела? Это абсолютно невозможно сделать, если биоскан не определяет биор. С этим я решил разобраться позже и вернулся к досье...

«Возможный адрес пребывания... Возможный номер виркома...».

Везде «возможный», но попробовать стоило. Я набрал номер. Раздались гудки. Один, два... девять. Включился автоответчик. Сначала я услышал задорный женский смех, затем какую-то возню, шушуканье и только затем приветствие:

«Привет! Это Аврора. Самая красивая, самая обворожительная, самая изящная, самая удивительная, самая умная, самая веселая, самая обаятельная, самая-самая, что просто не нахожу слов. А еще: самая сексуальная, стильная, шикарная, чертовски артистичная, неутомимая, дерзкая, забавная и просто идеальная! Согласны? Тогда смело оставляйте сообщение, и я обязательно перезвоню».

Это явно была какая-то другая особа. Не думаю, что дочь профессора была так наивна, чтобы оставлять свое приветствие на виркоме. Часы показывали одиннадцать. В «Доме Забвения» меня ждали только в пять вечера, и я решил сгонять по возможному адресу пребывания беглянки.

Но, прежде чем отправиться на поиск, я связался со своей домовладелицей. Когда она ответила, я произнес:

– Анна, скорее всего, я вернусь поздно. Сможете покормить и прогулять Хвоста?

– О чем речь, Софи! Я сейчас же за ним схожу и приведу к нам домой. Ты же знаешь, как Альберто и наши внуки любят гулять с ним по берегу моря.

– Спасибо вам, Анна. Я еще позвоню...

Анна. Я никогда не знал, сколько ей лет. Возможно, около семидесяти. Она, как и все ее предки, принадлежала к церкви «Истинная Жизнь», которая категорически отрицала переходы в другие земли и призывала своих чад прожить столько, сколько отпустит им Творец. Тех же взглядов придерживался и ее муж Альберто. Супругам принадлежал приличный кусок земли на берегу Средиземного моря. Будучи молодыми, они возвели на нем храм, куда из многих мест стекались приверженцы их веры. Но после того, как на «Истинную Жизнь» начались гонения и храм подожгли, им ничего не оставалось делать, как построить на этом месте небольшую деревеньку – домов двадцать, в которой любили останавливаться на отдых художники, писатели и поэты. Поселившись в одном из домиков, я стал единственным, кто не вписывался в эту творческую атмосферу.

Супруги сами воспитали пятерых детей, из которых лишь двое остались жить рядом с родителями. За те семнадцать лет, что я снимаю у них дом, мы очень сблизились. Когда я решил завести собаку и получил на это разрешение, Альберто лично сопровождал меня в питомник, где помог выбрать щенка. Если мне приходилось много работать, то я оставлял

Хвоста с ними. Он был очень привязан к старикам, тем более что свои первые слова пес сказал благодаря им...

Сунув очки в карман пиджака, я выскочил на улицу. Спустя пять минут, я уже входил в просторный вестибюль, стены которого украшали двенадцать исполинских полуфигур мужчин и женщин. Эти мраморные красавцы-титаны, выходящие телами из стен, держали на своих могучих плечах высокий расписной потолок. Между ними находились затемненные арочные проемы – порталы.

На удивление было немногочисленно. Я подошел к одному из свободных проемов и, набрав на дисплее код местности, стал ждать. Через пару секунд по затемненной глади проема пробежала первая рябь – это был сигнал, подтверждающий, что переход возможен. Когда рябь усилилась, я сделал шаг...

Глава 4.

Ожидая, пока местный паренек подгонит мне электромобиль, я, заложив руки за спину и закрыв глаза, наслаждался звуками Тихого океана. Его волны с мягким гулом накатывали на берег и, ударяясь о небольшие каменные пороги, с мягким шумом убегали обратно в толщу воды. Здесь, в Центральной Америке, было раннее утро. Где-то совсем рядом играла музыка, слышалось нестройное пение и смех – у кого-то явно затянулся ужин.

Открыв глаза, я снял пиджак и ослабил узел галстука. В моем распоряжении было часа четыре. Потом я должен вернуться в контору и прямо оттуда мчаться в «Дом Забвения».

Ко мне на большой скорости подъехала машина с откидным верхом. За рулем, широко улыбаясь, сидел посыльный.

– Сеньор, извини, долго ждать! – с сильным акцентом прокричал паренек, выскакивая из машины и уступая мне место: – Ехать прямо, потом право и вверх, на гора. Там то, что искать. Может, сеньор хотеть взять номер отель?

– Нет, спасибо.

– У нас есть хороший девочки, мальчики, есть маленький возраст. Сеньор любит?

– Нет!

Усевшись за руль машины, я тронулся с места. Под колесами зашуршал гравий. Дом, где могла жить дочь профессора, находился не на побережье, как я предполагал изначально, а практически в горах, в стороне от шумных курортных мест. Навигатор предательски молчал. Проехав несколько километров и не встретив ни одного указателя, я чуть было не проскочил поворот. Резко затормозив и выругавшись, я полез во внутренний карман пиджака за виртуальными очками.

Надев их, я открыл карту местности и проложил маршрут. Сдав назад, я свернул на узкую извилистую дорогу, идущую сквозь кипарисовую рощу. Миновав ее, электромобиль устремился вверх. На крутых горных поворотах ему явно не хватало мощности. Он еле полз, и у меня начали сдавать нервы. Еще немного, и я бы собственноручно сбросил машину в пропасть. Останавливало только то, что, судя по карте, которую я видел на линзах, мне требовалось преодолеть еще приличное расстояние. Минут через двадцать я уперся в отвесный склон горы, на котором пучками произрастала какая-то зелень. Дальше дороги не было, но в свете фар был виден небольшой подъемник. Облегченно вздохнув, я снял очки и, заглушив мотор, вылез из машины. Дул сильный, пронизывающий ветер. Поежившись, я достал из машины пиджак и быстро надел его на себя. Медленно приблизившись к подъемнику и внимательно изучив его, я встал на платформу и дотронулся до панели. Подъемник дернулся и медленно пополз вверх. Интересно, в каком веке устанавливали эту рухлядь?

То ли от холода, то ли нервишки окончательно расшалились, но меня стал бить озноб. Только этого мне и не хватало! Решено, как только доберусь до этой девицы и доставлю куда

надо, сразу возьму отпуск и буду сидеть дома, в саду, и читать Хвосту вслух книги. Или буду валяться с ним на диване и тупо смотреть все, что показывают многочисленные каналы.

Подъемник еще раз дернулся и остановился. Ступив на каменистую почву, местами покрытую мхом, я огляделся. Начало светать. Пологий склон представлял собой почти ровный участок земли, где у подножия горного хребта стоял дом, умело скрытый от посторонних глаз. Его стены были покрыты материалом, напоминавшим кору дерева, а в больших окнах отражались растущие на соседних склонах деревья. Где-то рядом слышалось журчание горного ручейка. Я подошел к дому и подергал за ручку двери. Она была заперта.

Постучав, я прислушался. В доме царил тишина. Тогда я попробовал хоть что-нибудь разглядеть через толстые стекла окон. Но внутри дома было так темно, что моя надежда на внезапную удачу стала быстро улетучиваться.

Потоптавшись еще немного, я решил, что пора уходить. И именно в этот момент в глубине дома вспыхнул огонек. Я не поверил своим глазам. Неужели она дома? Огонек стал приближаться, и через несколько мгновений дверь мне открыла пожилая женщина в длинной белой рубашке. На голове у нее красовался старомодный чепчик, а в руках она держала медную старинную лампу, освещавшую ее морщинистое лицо.

Посмотрев на меня строгим, чуть мутным взглядом, старуха сурово сказала:

– Я ждала тебя еще вечером. Проходи!

И она посторонила.

Меня явно с кем-то спутали, но я ничего не сказал и лишь молча переступил порог дома. Свет от лампы был тусклым и не позволял увидеть многое: лишь пару обшарпанных диванов, да низкий журнальный столик на трех ножках.

Прошаркав мимо меня, старуха буркнула:

– Жди здесь.

– Мэм, включите свет – я темноты боюсь, – ляпнул я первое, что пришло мне в голову.

Старуха что-то пробормотала себе под нос, но свет зажгла. И тут я обомлел. Все стены были заставлены книжными шкафами, в которых плотными рядами стояли или лежали самые настоящие книги. На меня это произвело ошеломляющее впечатление. Такого количества книг я не видел даже в музеях. Неужели когда-то во всех домах находились такие библиотеки? Вряд ли. Они занимают слишком много места. Куда удобнее электронные хранилища.

Я не удержался и протянул руку к одной из книг. Прикоснувшись подушечками пальцев к ее корешку, я ощутил шероховатость материала. Аккуратно вытащив реликт, я открыл его на первой попавшейся странице, и мне в ноздри ударил странный едковато-кисловатый запах, от которого тут же зашекотало в носу. Я громко чихнул. Обветшавшие и пожелтевшие от времени страницы казались хрупкими и готовыми в любой момент рассыпаться у меня в руках. Испугавшись, что этим все и закончится, я быстро захлопнул книгу и поставил ее на место.

– Не привыкли нынче люди к настоящим книгам, вот и чихают от бумажной пыли, – услышал я голос хозяйки дома.

Обернувшись, я посмотрел на пожилую женщину. Она поманила меня к себе пальцем, и я послушно подошел к ней.

– Вот это надо передать получателю, – сказала старуха, протягивая мне толстую тетрадь. Я взял тетрадку в руки, и из нее тут же что-то выпало и мягко спланировало на пол.

– Какой неуклюжий! – возмутилась старуха.

– Извините, мэм, случайно получилось.

Я нагнулся и поднял всю в изломах и с неровно оторванным краем старинную фотографию, запечатанную в непроницаемую пленку, на которой была запечатлена красивая молодая женщина.

– Кто это? – спросил я, рассматривая фотографию.

Старуха кинула на нее безразличный взгляд и, пожав плечами, ответила:

– Я так давно живу, что не помню.

Заложив фотографию между листами, я захлопнул тетрадь и сказал:

– Тогда я пойду.

Старуха молча открыла мне дверь, и я вышел в прохладу наступившего утра...

Глава 5.

Вернувшись в контору, я быстро пролистал страницы тетради. Они были исписаны математическими уравнениями, странными символами и схемами. Ни одного слова. Настоящая головоломка, которую я очень хотел разгадать, но времени было в обрез, и я, сунув тетрадь во внутренний карман пиджака, начал готовить документы по беглецам. От работы меня отвлек звонок. Это был Лоренц.

– Есть новости, – заявил он, как только его лицо появилось на линзах очков. – Конкурирующая контора поймала одного парня. Он ошивался около того самого дома, где когда-то жил профессор.

Я напрягся. А вот и курьер нашелся.

– Когда?..

– Час назад. Так что можешь туда не соваться.

– Я только что оттуда вернулся.

– И?..

– Ничего. Профессор там не живет. Его дочь тоже. Только старуха. А что за парня там взяли?

– Обыкновенный курьер. Работает в одной небольшой фирме. Неделю назад им поступил заказ. Нужно было что-то забрать и передать в руки некоего гражданина в Новой Зеландии. Парни у этих курьеров все заявки просмотрели. Действительно, есть такой заказ.

– Думаете, этот некий гражданин и есть профессор?

– Не думаю. Поэтому по-прежнему нас интересует только его дочь. Ты должен ее поймать. Миллион кредитов.

– А что старуха? Ее арестовали? – поинтересовался я, стараясь вложить в свой голос максимум равнодушия, на которое только был способен.

– Да кому она нужна! Уверяет, что никого не видела, ничего не знает, вот только я ей не верю. Эх, знать, где там камеры слежения установлены – мы много интересного смогли бы узнать.

Я хорошо понимал, о чем говорил шеф. Официально считалось, что в курортных местах Центральной Америки, как и еще в нескольких значных местах Африки, камеры слежения якобы не устанавливались. На самом деле скрытые камеры в этих местах были повсюду и предназначались для слежки за политиками и толстосумами. И желающих заполучить информацию о буйствах этой публики было предостаточно.

– А если запросить информацию со спутников? – предложил я.

Лоренц расхохотался:

– Софи, ты порой, как наивное дитя! С каких пор военные помогают «Департаменту Безопасности»? Они ненавидят друг друга. Забудь!

– Шеф, а вам не кажется странным, что той старухе явно больше ста пятидесяти лет, а ее никто не трогает?

Лоренц помолчал, а затем ответил:

– Кто их разберет. Это не наша забота. В списках беглецов она значится?

– Нет.

– Так почему у нас должна болеть голова?..

Ровно в пять вечера я прибыл в «Дом Забвения» и, быстро поднявшись на второй этаж, вошел в комнату ожидания. Мои беглецы находились уже там, под присмотром двух полицейских из ДОБ. По всей видимости, их уже успели накачать убойной дозой транквилизаторов: движения беглецов были заторможены, а взгляды – безжизненными и потухшими.

Кивнув полицейским, я направился к стойке администратора, за которой стоял полный мужчина в черном костюме. Проведя ладонью по густой шевелюре, он обратился ко мне:

– Вы Софи Краут?

– Да.

– У нас все готово для проведения ритуала. Вам осталось только подтвердить свой статус и получить деньги.

Я приложил ладонь к скану на поверхности стойки. Тот мгновенно считал мой биор и на нем высветились цифры. Пятьдесят?

Переведя взгляд на администратора, я спросил:

– Простите, но тут какая-то ошибка. Мне должны были перевести шестьдесят кредитов...

– Никакой ошибки нет, – ответил администратор и снова провел ладонью по волосам: – К нам доставили пять беглецов. По десять за каждого. Итого, пятьдесят.

Я обернулся. Пересчитав подопечных, я поманил к себе пальцем одного из полицейских и спросил:

– Где еще один?

– Скончался по дороге от разрыва сердца, – отрапортовал тот.

– Вы готовы? – услышал я за спиной голос администратора.

– Да. Готовы.

Он набрал на дисплее код, и раздвижные двери из непроницаемого матового стекла бесшумно разъехались в разные стороны, пропуская нашу группу внутрь.

Ненавижу эту часть своей работы. Каждый раз, когда я попадаю в «Комнату Упокоения», меня прошибает пот. Я не раз задавался вопросом, что буду чувствовать сам, когда наступит мой черед. Может, к тому времени изменятся законы или все снова начнут быстро стареть, или наш мир перестанет существовать?.. Хотя, возможно, ничего не изменится и мне придется сделать этот чертов выбор: спокойно уйти из жизни под действием препаратов или бежать и скрываться, как это делают многие другие.

Нас уже ждали две женщины в длинных черных платьях с кружевными белыми воротничками. Пока полицейские снимали пластиковые наручники, я от нечего делать принялся рассматривать убранство комнаты, в которой не был месяца полтора. Все те же бежевые стены, приглушенный свет и светло-пепельные перегородки, делящие пространство на несколько частей. Интересно, какое количество уходящих ежедневно проходит через это место? Я начал было производить в уме арифметические действия, но от этого занятия меня отвлек администратор:

– Вы хотите присутствовать при подключении к капельницам? – услышал я его вопрос.

– Нет, увольте. Предпочту, если за меня это сделает кто-нибудь другой.

– Тогда вы можете идти. Если хотите, я выпущу вас здесь, но лучше через основной зал. Оттуда ближе к порталу.

– Знаю.

Направляясь к выходу, я краем глаза видел, как беглецов по очереди уводят за перегородки. Там, уложив каждого на красиво убранные каталки, им наденут наушники, а в вену введут иглу от капельницы, в которой уходящих дожидается «Зов Предков» – специальный коктейль для безболезненного ухода из жизни.

В основном зале было многолюдно. Пришедшие проститься томились в ожидании: одни просто стояли, уткнувшись в свои гаджеты, другие тупо слонялись из стороны в сторону, а третьи смотрели рекламу на телепанелях.

Я стал пробираться к выходу, и тут мой взгляд наткнулся на лицо молодой женщины. От неожиданности я чуть не споткнулся. Это была она – женщина со старинной фотографии. Один в один. Только моложе и волосы темнее. Дочь профессора? Возможно.

Мисс Зарин стояла около заплаканной женщины и о чем-то тихо с ней разговаривала. Почувствовав, что на нее кто-то смотрит, она повернула голову в мою сторону и замолчала. Глупо было стоять и продолжать пялиться на нее. Мне ничего не оставалось, как подойти к ним.

– Добрый вечер, – поздоровался я, не сводя глаз с мисс Зарин.

Она ничего не ответила, только кивнула в ответ, а ее спутница спросила:

– Вы пришли попрощаться с Фрэнком?

– Да, – соврал я уже четвертый раз за день.

Женщина слабо улыбнулась и сказала:

– Я совсем не помню вас. Простите, но у меня сейчас такое состояние...

– Понимаю, – отозвался я и слегка пожал протянутую мне руку.

– Спасибо, что нашли время. Это так странно. Я сообщила всем, кто знал Фрэнка, но, как видите, пришли только вы и Лизи.

Вот, значит, как. Ее зовут Лизи...

– Вы работали вместе с моим мужем?

– С кем? – не понял я.

Дочь профессора удивленно приподняла одну бровь, а женщина повторила:

– С моим мужем. С Фрэнком.

– Ах, да, – спохватился я. – Нет-нет, встречались иногда.

– Встречались? – женщина сильно сжала в руках небольшую сумочку. – Последние двадцать лет Фрэнк не выходил из дома...

Я поспешил перевести разговор, и, обратившись к Лизи, сказал:

– Давно мечтал с вами познакомиться, мисс Зарин.

От неожиданности та вздрогнула:

– Я не понимаю...

Она не успела договорить. Появились первые каталки с усопшими, и ее спутница, громко всхлипнув, устремилась к одной из них. Лизи поспешила следом.

Я не знал, что мне делать. С одной стороны, я представился знакомым покойного, а с другой, мне абсолютно не хотелось ломать комедию скорби. На мое счастье, сотрудники «Дома Забвения» не дали растянуть процедуру прощания, и каталки очень быстро увезли в крематорий.

Поддерживая под руку жену Фрэнка, Лизи повела ее к выходу. Я не мог отпустить ее просто так. Догнав женщин у самого порога, я обратился к мисс Зарин:

– Простите, но нам обязательно нужно поговорить.

Лизи в недоумении посмотрела на меня:

– Вы же видите, я сейчас не могу. Позвоните мне завтра. Вы знаете мой номер виркома?

– Это не может ждать до завтра, мисс Зарин.

Жена Фрэнка посмотрела на Лизи и тихо произнесла:

– Не беспокойся за меня, девочка, со мной все будет хорошо. Жаль, что твой отец не смог приехать.

Женщина нежно обняла дочь профессора, и та поцеловала ее в щеку. Слабо улыбнувшись, вдова Фрэнка дотронулась до моей руки и после этого покинула «Дом Забвения».

Проводив ее взглядом, Лизи повернулась ко мне. Взгляд молодой женщины не предвещал ничего хорошего:

– Кто вы такой? – вызывающе спросила она.

– Мисс Зарин, – начал я.

– Я не мисс Зарин, – перебила она меня, – и я не понимаю, почему вы уже третий раз обращаетесь ко мне подобным образом.

Я опешил. Ошибиться я не мог. Я был уверен на миллион кредитов, что передо мной стоит дочь профессора.

– Профессор Артур Зарин ваш отец?

– С чего вы это решили? – приподняв одну бровь, спросила Лизи.

– Да или нет?

– Что вы хотите? Я позову охрану!

– Это ваше право, мисс Зарин, но, если вы заметили, я пока вежлив с вами.

Она, отскочив от меня, воскликнула:

– Это называется вежливостью?!

Несколько любопытных взглядов устремились в нашу сторону.

– Давайте не будем привлекать к себе внимание, – устало сказал я. – Тем более что охрана вам не поможет. Я – ловец, и она будет полностью на моей стороне.

– Ловец? – от страха у нее расширились зрачки.

И так постоянно! Никто не любит ловцов. Можно подумать, что это мы издали закон, запрещающий жить больше ста пятидесяти лет. Бред! Но нас избегали и боялись, словно мы прокаженные.

– Да, ловец, – подтвердил я. – И мне не хотелось бы применять силу. Итак, начнем сначала. Артур Зарин ваш отец?

– Предположим, – настороженно ответила Лизи.

– А если хорошо подумать?

Лизи прищурила глаза и, чуть склонив свою голову набок, спросила:

– Скажите, я похожа на идиотку?

– Нет.

– Тогда, с чего вы решили, что я сдам вам папу? Да, он нарушил закон и купил мне другой биор, но это ведь не сверхпреступление. Тем более прошло столько лет...

– Во-первых, я ничего не решал. Во-вторых, у меня есть то, что очень заинтересует вашего отца. А в-третьих, в розыске находитесь вы.

– Я?! – Лизи ошарашенно уставилась на меня.

– Да. И арестовать я должен вас. Почему? Этот вопрос не ко мне – я лишь исполнитель.

– Скажите, – сделав шаг назад, спросила дочь профессора, – откуда вы знаете, что я – это я?

– Это не имеет значения.

Лизи молча изучала мое лицо. Наконец она сказала:

– Хорошо. Позвольте мне позвонить отцу. Это все какое-то недоразумение, нелепость, и я уверена, что он во всем разберется.

Обычно я сразу скручиваю беглеца, но в данном случае она им не являлась, и я, кивнув головой, ответил:

– Да, конечно.

Пока Лизи говорила по виркому, я, облокотившись о широкую стойку с брошюрами, не сводил с нее глаз. Она была совершенством. Невысокая, тоненькая, словно тростинка, с небольшой грудью и бесподобными ногами. В ней была та изюминка, что сводит с ума. Если бы мы встретились при других обстоятельствах, у нас мог бы завязаться роман. Мне нравилось в ней все: и как она, разговаривая, пытается заправить непослушную прядь волос за ухо, и как хмурит свой гладкий лоб, и как покусывает свою нижнюю губу. Я смотрел на нее и не мог оторваться.

И именно в тот момент, когда я любовался точеной фигуркой Лизи, одной толстой тетке, проходившей мимо, приспичило остановиться напротив меня, загородив своими необъятными

формами дочь профессора. Движением руки я попросил ее отойти в сторону, но та, нагло усмехнувшись, повернулась ко мне спиной. Выругавшись, я направился к тому месту, где стояла дочь профессора, и обнаружил, что мисс Зарин исчезла!.. Только что здесь стояла и разговаривала по виркому, а теперь ее нет – она улизнула, воспользовавшись ситуацией. Во мне вспыхнула ярость. Даже не знаю, из-за чего больше. То ли оттого, что из-за собственной глупости потерял хорошие деньги, то ли от обиды, что со мной так подло поступили. Я, как подорванный, завертелся на одном месте, и тут мой взгляд наткнулся на ту самую жирную корову, что загородила от меня дочь профессора. Она все еще стояла на том же самом месте и с довольным выражением лица уплетала пирожное внушительных размеров. Меня стало обуревать только одно желание – свернуть ей шею.

Я с детства не переношу людей больших размеров. Возможно, из-за того, что в школе надо мной постоянно измывался один толстый гаденыш, а детская психика вещь ранимая. Увидав мой взгляд, женщина засунула в рот остаток сладкого и с набитым ртом пренебрежительно бросила:

– Чего уставился, урод?

Я сжал пальцы в кулаки и медленно двинулся на нее.

Лицо толстухи исказилось, а в маленьких, заплывших жиром, глазках вспыхнул страх.

– Билли, Билли! – истошно завопила она.

Заметив краем глаза какое-то шевеление, я повернул голову и в тот же миг получил мощный удар прямо в скулу. Не удержавшись на ногах, я отлетел в сторону и врезался в стоящую неподалеку каталку с покойным. Падая, я опрокинул ее на себя, и покойник, свалившись, откатился в сторону. Несколько женщин закричали. Выбравшись из-под каталки, я потер ушибленную скулу, стукнул себя ладонью по лбу и, с трудом поднявшись на ноги, попытался сфокусировать свой взгляд на Билли. Мне это удалось, и я увидел перед собой довольно рослого, накачанного амбала. Рядом с ним, пытаясь подпрыгивать на отечных ногах, продолжала верещать тетка:

– Врежь ему, Билли, врежь! Еще раз!

На мое счастье к нам подбежала охрана. Если бы не они, думаю, Билли успел бы размазать меня по стене...

Оказавшись на улице, я первым делом, надев очки, соединился с программой уличных камер. Введя пароль, я подключился к панорамному обзору всех близлежащих улиц и переулков. Лизи нигде не было видно. Тогда я переключился на камеру, установленную напротив выхода из «Дома Забвения», и ввел приблизительное время побега. Перед моими глазами пошла запись. Вот жена Фрэнка вышла на улицу, постояла немного и направилась в сторону портала. Я чуть ускорил запись и остановился, когда увидел, как из дверей выбежала дочь профессора и что есть мочи побежала в сторону станции. Это плохо. Если она прошла через портал, я не смогу отследить ее передвижение. Но то, что я увидел дальше, обрадовало и расстроило меня одновременно: из соседнего переулка на большой скорости выскочил электромобиль и сбил бежавшую по улице Лизи. Ее, словно тряпичную куклу, отбросило в сторону, и она упала прямо на тротуар. Не останавливаясь, мобиль скрылся. Лизи, держась за левый бок, медленно поднялась на ноги и, сильно хромя, направилась к небольшому магазинчику. Открыв дверь, она вошла внутрь. Развернув камеру под нужным мне углом, я прочитал вывеску: «Элитный чай из Зазеркалья». Теперь я знал, где могу найти беглянку...

Глава 6.

Когда я вошел в магазин, у меня над головой предательски дернулся и звякнул дверной колокольчик. За последние лет двести он снова вошел в моду, но в тот момент у меня было совсем не то настроение, чтобы умиляться его перезвону.

Магазинчик представлял собой небольшую комнату, стены которой были полностью заставлены стеллажами. На их полках уютно расположились многочисленные емкости, заполненные какими-то травами, лепестками, разноцветными шариками и чем-то еще, что внешне очень напоминало опилки. Посреди комнаты стоял резной столик, на котором помимо небольших электронных весов и сканера красовалась ваза с искусственными цветами. Мое внимание привлек дверной проем, завешанный тяжелой портьерной тканью. Если за ней нет другого выхода, то Лизи могла находиться только там. Не успел я об этом подумать, как ткань шелохнулась и в проеме показалась невысокая худощавая женщина с очень короткой стрижкой. Она производила странное впечатление. Может быть, из-за нарисованных бровей, а может быть, из-за шрама, идущего от правого виска через всю щеку, к подбородку. Женщина шагнула мне навстречу и, оглядев меня с ног до головы, спросила довольно низким голосом:

– Вы что-то ищите?

– Кого-то, – поправил я ее. – Минут тридцать назад сюда вошла молодая особа. Где она?

– Вы ошибаетесь, сюда никто не заходил.

– Неужели? Это зафиксировали камеры слежения.

Лицо женщины пошло красными пятнами. Приблизившись к ней, я тихо добавил:

– Вы хотите, чтобы через пять минут здесь были представители ДОБ? Особа, о которой я спрашиваю, находится в розыске и, следовательно, укрывая ее, вы являетесь пособницей.

Женщина отпрянула от меня, и я, отодвинув портьеру, вошел в еще одно небольшое помещение, предназначенное для хранения товара. Первое, что бросалось в глаза – сломанное окно-кондиционер. Его цифровая картинка снежных гор тускло мерцала, и чувствовался спертый запах воздуха. На полу хаотично валялись большие коробки с товаром. На одной из них, вытянув вперед левую ногу, сидела перепуганная Лизи. Ее лицо было неестественно белым.

Засунув руки в карманы брюк, я сказал:

– Еще раз, здравствуйте, мисс Зарин.

– Сколько можно повторять: у меня другое имя, – тихо произнесла она.

– Мисс Зарин, меня абсолютно не интересует ваше нынешнее имя – это будет выяснять ДОБ.

Я достал из кармана брюк пластиковые наручники и добавил:

– Во всей этой истории меня огорчает то, что я позволил обмануть себя.

Лизи сильно втянула в себя воздух:

– Что теперь об этом говорить... Странно все это.

Она с трудом поднялась на ноги и, сплетя вместе пальцы, протянула вперед руки.

– Сожалею, но теперь я вынужден надеть на вас наручники и доставить...

Договорить я не успел. Сильный удар по затылку заставил меня замолчать. Комната закружилась перед глазами, и я, схватившись обеими руками за голову, обернулся назад. За моей спиной, с искаженным от ненависти лицом, стояла женщина с нарисованными бровями. Она что-то кричала мне, но я ничего не слышал – в ушах звенело. Скользнув растерянным взглядом по ее лицу, я попробовал сделать шаг вперед, но упал и потерял сознание...

Очнувшись я от того, что меня кто-то похлопывал по щекам. Открыв глаза, я увидел лицо склонившегося надо мной молодого мужчины.

– Вы кто? – хриплым голосом спросил я.

– Владелец магазина.

Он помог мне подняться и, усадив на табурет, подал стакан воды. С жадностью выпив, я вернул ему стакан, пощупал затылок и, обнаружив большую шишку, поморщился.

– Крови нет, – поспешил успокоить меня хозяин. – Вы легко отделались. Ваза была тяжелая.

– Как вас зовут?

– Том Брук, – он опустился на одно колено и стал собирать с пола многочисленные осколки.

– Смотрите, не порежьтесь, – предостерег я, продолжая ощупывать шишку, – лучше щеткой подмести.

– Нет у меня здесь щетки, – сказал Том, – если бы знал, что в моем магазине развернутся боевые действия, то принес бы из дома.

– Я не видел вас здесь.

– А меня и не было. Я домой ходил.

– И оставили магазин открытым?

– Я попросил присмотреть за ним покупательницу. А что мне оставалось делать? Сюда ввалилась молодая девица и стала что-то сумбурно говорить о мобиле, который ее сбил... Что бы вы сделали на моем месте?

– Вызвал бы медиков и ДОБ.

Он бросил несколько осколков в пустую коробку и поднялся с колена:

– Я и хотел их вызвать, так она не дала. Попросил ее уйти, а она ни в какую. Вот я домой и пошел. Я тут рядом живу.

– А домой-то зачем?

– За обезболивающим.

– Вы хотите сказать, что храните лекарства дома? Это запрещено законом.

Том, нагнувшись, подобрал еще пару осколков.

– Думаете, я не знаю? Но мне много лет, и возраст дает о себе знать. Через неделю стукнет сто тридцать два года. Силы и здоровье уже не те... Суставы болят, одна почка отказала...

– Почему сами не обратитесь к врачам? Они быстро все заменят.

Том криво улыбнулся:

– А вы в курсе, сколько это стоит? Мне дешевле лекарство купить у нелегальных торговцев, чем отработать предоставленные кредиты.

– Хорошо. Зачем вы ей хотели дать лекарство?

– Чтобы ушла быстрее, – пояснил Том. – Мне не нужны неприятности. Может, она врала, что ее сбили.

– Что произошло дальше?

– А что произошло? – удивился он. – Отсутствовал от силы минут пятнадцать. Возвращаюсь, а тут такое! Вы на полу, покупательница пытается стащить целую коробку ценнейшего чая... За что они вас так?

– Понятия не имею, – ответил я. – Наверняка они были в сговоре и хотели вас ограбить, а я случайно зашел и помешал.

Помолчав немного, мужчина сказал:

– Думаю, вы правы... Простите, я не спросил вашего имени.

– Алекс, – не моргнув глазом, представился я и добавил: – То, что вы ушли домой, спасло вам жизнь. Они могли разбить вазу и об вашу голову.

Хозяин тяжело вздохнул и, выбросив осколки, протянул мне какой-то сплюснутый предмет:

– Это, кажется, ваше.

Он оказался прав – это были мои очки, только полностью искореженные. Кто-то явно уничтожил их с большим наслаждением. И я, кажется, догадываюсь, кто. Повертев в руках испорченный гаджет, я бросил его в коробку с мусором. Взглянув на хозяина, я поинтересовался:

– Так вы ее отняли?

– Что? – не понял Том.

– Коробку с чаем.

– Ах, это! Конечно. Активировал парализатор – и всё, дамочки успокоились. Он ткнул пальцем в сторону.

Я обернулся и обомлел. Там, притулившись спиной к стене, сидела Лизи. Чуть в стороне от нее, лицом вниз, лежала та самая покупательница с нарисованными бровями.

Поднявшись с табурета, я был вынужден снова сесть. Моя голова просто раскалывалась. Скривившись от боли, я спросил у Тома:

– Где лекарство?

Тот поморгал глазами, видимо, вспоминая, куда положил обезболивающее, затем суетливо проверил все свои карманы и, нащупав пакетик с порошком, протянул его мне. Я быстро открыл его и высыпал содержимое в рот. Порошок имел приторно-сладкий вкус, но действовал на удивление быстро – боль стала отступать. Поднявшись, я подошел к женщинам и присел на корточки. Глаза Лизи были широко открыты, а пальцы рук неестественно вздрагивали. Было видно, как ей тяжело дышать. Итак, парализатор. Откуда он у хозяина? Их запретили законом лет четыреста назад. Спросить его? Он вряд ли скажет правду... Штука-то убойная – действует на центральную нервную систему, парализуя ее практически полностью. Если не ошибаюсь, то у многих возникали ожоги. Я стал вспоминать, сколько по времени длится воздействие парализатора на человека. Кажется, до четырех часов... Внезапно меня стало подташнивать.

Я повернул голову к хозяину магазина:

– Том, а это точно было обезболивающее?

Тот оторвался от подсчета коробок и взглянул на меня:

– Да. Я его почти каждый день принимаю.

– Странно, – сказал я. – Меня тошнит от него.

– Пожалуй, это из-за удара, – предположил Том и вернулся к своему занятию.

Возможно. Я снова посмотрел на женщин.

– Как долго они находятся в отключке? – спросил я, борясь с позывами рвоты.

– Минут тридцать, – откликнулся он.

Я передвинулся поближе к покупательнице и перевернул ее на спину. Платье на ней задралось, и я присвистнул. Дама оказалась совсем не дамой. Теперь понятно, почему он так испугался, когда я упомянул о ДОБ. Уже лет семьсот гомосексуалисты, лесбиянки и прочая братия нетрадиционной ориентации были вне закона. Если кто-нибудь из них попадал в поле зрения ДОБ, то ничего хорошего их не ждало. Ну что же, посмотрим, что с этой личностью. Лоб и часть подбородка приобрели ярко-красный цвет. Вот и обещанный книгами ожог. Но самым неприятным было то, что нетрадиционщик не дышал. Я попробовал нащупать пульс сначала на шее, потом на руке. Он не прощупывался. Неужели труп? И тут я вспомнил, что парализатор был опасен для сердечников.

Поднявшись, я повернулся к Тому. По нему было видно, что он сильно напуган – кровь отхлынула от его лица.

– Боги, помогите мне! – запричитал хозяин магазина и бросился ко мне. – От чего он... она... оно умерло? Это ведь был всего лишь парализатор!

– Он опасен для сердечников, – ответил я.

Схватив меня за плечи, Том заорал мне прямо в ухо:

– Но в наше время не бывает проблем с сердцем! Генетики проверяют эмбрионы! Прошу вас, помогите мне! Я не хотел! Я защищался! Я не хочу в тюрьму!

От его визга головная боль возобновилась и подкатила к вискам. У меня свело скулы, и на глаза опустилась пелена. Я оттолкнул его от себя и тихо сказал:

– Во-первых, и генетики могут ошибаться, а, во-вторых, он мог быть рожден естественным путем.

– А биор?

– Куплен на черном рынке, – я начинал терять терпение. – Вы лучше скажите, где взяли парализатор? Только правду.

Том закивал головой и быстро заговорил:

– Я взял у отца, а тот у своего. Когда мой папа умер, я стал носить его при себе. В наше время безопасность не помешает. Смотрите, он так похож на обыкновенный брелок! Никто и не догадывался. Вы поможете мне? Я ведь помог вам... Вас тоже могли убить...

Я молчал. Он снова приблизился ко мне и шепотом предложил:

– Давайте избавимся от него. У меня есть небольшой автобус. Перевезем тело куда-нибудь и выбросим там...

Идея мне понравилась.

– Хорошо. Подгоняйте мобиль.

– Только никуда не уходите, – жалобно попросил Том, – я скоро.

– Не уйду, – пообещал я.

Как ловец, я обязан был доложить о произошедшем в департамент, но во мне боролись два желания: деньги и Лизи. Я хотел получить кучу кредитов, но не хотел отдавать им мисс Зарин.

Пока Том бегал за своим автобусом, я снова вошел в программу камер слежения через виркомовский браслет нетрадиционщика. Как полезно иногда напиваться с Лоренцом. Можно узнать столько интересного. На одной из таких попок он выложил код доступа в программу. Теперь я мог не только управлять камерами, где бы они ни находились, но и удалять из их памяти любую информацию, что я и сделал. Теперь никто не узнает, что Лизи была в «Доме Забвения» и разговаривала со мной. Впрочем, как и то, что мы провели некоторое время в чайном магазинчике. Чтобы не оставлять следы своих пальцев, я аккуратно вытер браслет подолом платья.

Том подогнал свой автобус вплотную к дверям и полностью загорочил вход в магазин не только от камер наблюдения, но и от посторонних глаз. Запихнув тело в одну из больших коробок, мы затащили ее в салон автобуса, после чего я аккуратно перенес и Лизи. Том пристроился около коробки, а я, преодолевая головную боль, сел за руль и нажал на газ...

Глава 7.

У меня было странное видение: большая черная воронка, вращающаяся со страшной силой. Было очень страшно и я, падая в нее, знал, что там меня ждет конец... И тут из ниоткуда появилось лицо Лизи. Она улыбалась и смотрела так ласково... Я слышал шепот, но не понимал ни одного слова. Потом ее лицо приблизилось к моему, и она меня поцеловала – сначала в лоб, затем в подбородок, щеки и глаза. И мне стало так хорошо...

Нет, это не поцелуи. Я явно ощущал на лице чей-то влажный язык. Хвост. Конечно, это же мой Хвост вылизывал меня. Учувяв, что я пришел в себя, он заскулил, и его пушистый хвост заработал в бешеном ритме. С трудом разлепив веки, я приподнялся на локтях. Странно, но я находился дома и лежал на своей любимой тахте. Мой пес стоял рядом и, виляя хвостом, преданно смотрел мне в глаза. Протянув руку, я погладил его по голове. Хвост в ответ лизнул мою руку.

– Как я здесь очутился? – спросил я у него, с трудом поднимаясь на ноги.

Хвост протянул:

– Ве-ече-ерр... Бо-олно-о... У-упа-ал...

Я ничего не помнил. Вернее, помнил, как с трудом доехал до ближайшего транспортного портала и, проехав через него в какой-то отдаленный уголок, выкинул коробку с трупом в ближайший овраг. Меня сильно рвало, голова раскалывалась, но я нашел в себе силы и довез всех обратно. А дальше провал в памяти...

С кухни доносились приглушенные голоса. В сопровождении Хвоста я буквально ввалился на кухню. За большим столом сидели Анна, Альберто и Лизи, укутанная в теплое одеяло. Увидав меня, Анна с причитаниями бросилась ко мне. Альберто еле поспевал за ней. Они помогли мне добраться до стула, и я, усевшись на него, рассеянно посмотрел вокруг себя. Анна подала мне чашку горячего бульона.

Я отхлебнул немного, обжегся, поморщился и, посмотрев на Лизи, спросил:

– У меня только один вопрос: как я оказался дома?

Анна, смахнув с глаза слезинку, затараторила:

– Вечером примчался Хвост. Он был так взволнован, что не мог ничего сказать. Но мы поняли, что с тобой произошла беда.

Ее перебил Альберто:

– Прибежали к тебе домой. Тебя рвет в ванной, рядом лежит эта женщина и задыхается. Ты, когда нас увидел, пытался что-то сказать, но речь была невнятная. Анна вызвала Андре – нашего младшего. Ты должен его помнить.

Я кивнул головой, хотя абсолютно не мог вспомнить, как выглядит их сын.

– Андре ведь врач, и хороший врач, – продолжал старик. – Он обследовал тебя и сказал, что ты чем-то отравился. А после того, как наш мальчик ввел тебе какие-то препараты, ты сразу отключился. Андре и подруге твоей помог.

– Почему ее лихорадит?

– Такая реакция на лекарство, – вмешалась Анна. – Софи, скажи, ты балуешься наркотиками? Как те, что боятся жизни?

– Нет, – успокоил я стариков. – Меня ударили, сильно болела голова и мне дали обезболивающее.

Альберто и Анна вздохнули с облегчением.

– Поэтому у тебя на голове такая шишка? – Анна нежно погладила меня по затылку. – А кто ударил?

Ойкнув от прикосновения, я попытался пошутить:

– Один добрый самаритянин.

– Ты бульон попей, тебе сейчас восстановиться нужно, – попросила Анна.

Я слабо улыбнулся и выполнил ее просьбу.

– Раз с тобой все в порядке, – сказал Альберто, – мы пойдем. Скоро внуки проснутся.

Он поднялся и, бережно поддерживая жену под руку, повел ее к двери. Я тоже встал, чтобы проводить супругов. То ли бульон помог, то ли их сын действительно оказался отличным врачом, но я твердо стоял на ногах и – самое главное – у меня не болела голова. Поцеловав на прощание Анну, я выпустил Хвоста и вышел следом за ним во внутренний дворик. Прижавшись спиной к стене дома, я прикрыл глаза и позволил прохладному ноябрьскому ветерку, впитавшему в себя запах моря, омыть меня своими ленивыми порывами. Я наслаждался его прикосновениями к моей разгоряченной коже, и у меня было ощущение, что он словно очищает мое тело от какой-то серой массы, облепившей меня за последние двое суток. Едва слышное шевеление сбоку заставило меня открыть глаза. Я повернул голову и увидел Лизи. Она стояла в проеме двери, и ее по-прежнему потрясывало.

– Хочешь кофе? – спросил я ее.

– Я не люблю кофе, – ответила она, кутаясь в одеяло. – Я никак не могу согреться. Можно, я приму душ?

– Да, конечно. Пойдем, я тебя провожу...

Ее не было целый час. Когда она, наконец, вернулась, я допивал уже четвертую чашку кофе с джемом. Хвост, развалившись у моих ног, громко сопел. По тому, как покраснелись ее лицо и руки, я понял, что она долго стояла под струями горячей воды, а зачесанные назад влажные волосы придавали ей трогательность.

– Я заварил тебе чай. Будешь?

– Спасибо, – она села за стол напротив меня. – А где другая женщина?

– Кто? Анна?

– Нет, другая, из магазина, – сказала Лизи, наблюдая, как я наливаю чай в чашку.

– Умерла.

– Жаль.

– Это как сказать...

Лизи как-то странно посмотрела на меня, но промолчала.

Я придвинул к ней чашку:

– Могу я спросить тебя?

Лизи кивнула головой.

– Ты вчера сказала, что отец купил тебе биор. Это правда?

– Да.

– Но ведь все биоры на учете.

Она помотала головой:

– Нет, не все. Есть неустойчивые биоры. Их еще называют хамелеонами. Они могут спокойно сосуществовать с биором, что дается человеку при рождении.

Я был поражен.

– Откуда у тебя такая информация? – осторожно спросил я.

Обняв ладонями чашку с чаем, Лизи ответила:

– От отца. Их давно выпускают. Для разведчиков, политиков, некоторых ученых.

– Расскажи подробнее, – попросил я.

– Если кратко, то эти биоры можно запрограммировать таким образом, что каждые две-три недели они будут самостоятельно менять имя и номер регистрации владельца.

– Значит, твой отец купил себе такой биор?

– Нет. Моему отцу такой биор вживили. А для меня он купил. У одного человека в Центральной Америке. Тот работал в инкубаторе, и у них умерла малышка. Вот ее биор мне и достался.

– Ясно... Скажи, а ты, случайно, не помнишь, как мы сюда добрались? Ты не поверишь, но я ничего не помню. Провал полный.

Лизи слегка нахмурилась:

– У меня самой мутные воспоминания. Но, насколько я помню, ты принес меня на плече.

– И что было дальше?..

– Ты внес меня в ванную, положил на пол, что-то крикнул своей собаке, и она убежала.

А потом нас нашли старики. Еще я помню, как ты кому-то звонил...

Я взял со стола пачку сигарет и закурил. Лизи посмотрела на меня и тоже взяла одну. Сделав глубокую затяжку, она сказала:

– Я давно не курила настоящие сигареты. Откуда они у тебя?

– Альберто выращивает табак.

– Вы не боитесь, что кто-нибудь донесет? Разрешены только паровые, да и то не везде.

– Не боимся, – ответил я и задал еще один вопрос: – А ты не помнишь, с кем я разговаривал?

Лизи пожала плечами:

– Я плохо помню, но, кажется, ты называл его Лоренц.

Лоренц? Интересно, а зачем я звонил шефу?

И тут Лизи меня поразила.

– Ты накричал на него и назвал мерзавцем.

– Как? – оторопел я.

– Ты слышал, – отрезала Лизи.

– Должна же быть какая-то причина...

– Прости, но я не в курсе.

Потушив сигарету, я поднялся и направился в комнату. Куда я мог деть свой браслет? Его нигде не было видно. Я вернулся в кухню.

– Хвост! – скомандовал я.

Пес тут же вылез из-под стола.

– Я куда-то дел вирком, – сказал я.

– По-оте-ерря-я? – уточнил он, склонив голову на бок.

– Посмотри в ванной комнате, – подсказала Лизи.

Хвост выбежал из кухни. Через пару минут пес вернулся – его хвост был задран кверху, а в пасти он держал мой браслет.

– Умница! – похвалил я его и потрепал по холке.

Усевшись за стол, я посмотрел на Лизи:

– А ты не помнишь, откуда я звонил Лоренцу?

– С моего виркома, – сказала Лизи. – А кто такой Лоренц?

– Мой шеф, – ответил я и добавил: – Думаю, что после вчерашнего – бывший.

– Он плохой человек?

– Нет. Нормальный.

– Скажи, за мое задержание была назначена премия?

– Да, – ответил я.

– Сколько?

– Миллион кредитов. Лоренц наверняка забрал бы себе процентов семьдесят, но и триста тысяч большие деньги. Я мог бы взять отпуск на несколько месяцев.

Увидав, как Лизи побледнела, я замолчал.

– И что ты собираешься делать? – осторожно поинтересовалась она.

– Ничего. Можешь идти куда хочешь.

– А что будет с тобой?

– Он меня точно уволит, еще и жалобу подаст в департамент о неподобающем поведении, и мне запретят работать ловцом, а это единственное, что я умею делать. Так что ни работы, ни денег...

– А если я компенсирую твою потерю?

– Ты? – я взглянул на Лизи и расхохотался.

– Что смешного? – она с удивлением посмотрела на меня. – Да. Компенсирую. Ты получишь тот самый миллион кредитов. Устроит?

Я перестал смеяться.

– Какой насыщенный событиями день, – сказал я. – Кстати, ты заметила, как мы с тобой легко перешли на «ты»?

– Это так важно? – удивилась Лизи.

– Откуда у тебя столько денег?

– Не важно. Я готова прямо сейчас перевести их тебе.

Я перестал улыбаться.

– Ты это серьезно?

– Разумеется, – ответила она.

Я посмотрел на часы. Восемь утра. Надо еще раз выпустить Хвоста, дать ему покушать, принять душ... Один миллион... Мои самые дерзкие мечты стали приобретать очертания. С такими деньгами можно не работать. Вложить их куда-нибудь, а самому сидеть дома с собакой и наслаждаться тихой деревенской жизнью. Буду брать уроки живописи у моего соседа-художника.

Я поднялся и достал из шкафа собачьи консервы. Открыв банку, я вывалил все содержимое в миску. Хвост с довольным урчанием тут же потянулся к еде. Все это время Лизи внимательно наблюдала за моими действиями. Поймав на себе ее взгляд, я решил пошутить:

- Кого я должен буду убить за такие деньги?
- Никого. Я их тебе дарю, – ответила Лизи.
- Кстати, у меня скоро день рождения. А если серьезно?
- Будем считать, что это плата за мою свободу.
- Это довод, – согласился я. – Переводи!

Она что-то набрала на своем виркоме и сказала:

- Мне нужен номер твоего биора.

Я назвал.

Выполнив еще несколько действий, дочь профессора взглянула на меня:

- Готово!

Мой браслет пикнул – это пришло сообщение из банка, подтверждавшее поступление средств на мой счет. Мое сердце истошно заколотилось в груди. Целый миллион! Я никогда не думал, что буду владеть такой суммой. Чтобы успокоиться, я подошел к стенному буфету и достал из него небольшой графинчик с виски. Вернувшись к столу, я спросил:

- Хочешь выпить?
- Нет, – покачав головой, ответила Лизи.
- А я выпью.

Плеснув виски в чашку, где еще оставалось немного кофе, я залпом выпил пахучую янтарную жидкость и только после этого смог здраво мыслить.

Несмотря на ссору с Лоренцем, я должен был предупредить его, что не выйду на работу. Я набрал его номер. Мне ответила Эдит. Немного помявшись, я все-таки сказал:

– Привет, Эдит. Передай Лоренцу, что я тут немного приболел и в ближайшее время не появлюсь в офисе, так что пусть он перебросит кому-нибудь список беглецов.

– Приболел? – насмешливо переспросила меня Эдит. – И, конечно, перед этой болезнью современная медицина бессильна.

- Брось, Эдит, можно подумать, что ты не в курсе. Шеф очень злится?

– Первое: ах да, я что-то слышала. И второе: он тебя уволил.

– А может, Лоренц все-таки поговорит со мной?

– Плохая идея. Что-то еще?

– Слушай, ты скажи ему, вчера такое произошло... Короче, я и сам толком не понимаю...

Одним словом, я ничего не помню.

– Как интересно! Кстати, вчера ты позвонил не вовремя. Лоренц делал мне предложение.

– Неужели? Поздравляю. Надеюсь, ты согласилась?

– Согласилась. Так что, Софи, на правах почти что жены, хочу тебе кое-что сказать. Я всегда знала, что ты – неблагодарный щенок! Он столько сделал для тебя, всему научил, а ты его вчера так оскорбил. Запомни, ты никогда не вернешься в контору – и я позабочусь о том, чтобы никто из наших конкурентов тебя не подобрал! Ты теперь всю свою жизнь будешь бегать в поисках куска хлеба!

Эдит всегда умела нанести удар. Придется дать сдачи.

– Я тоже тебя люблю, дорогая! Наконец сбылась твоя мечта. И муж, и деньги. Правда, Лоренц жмот и вряд ли позволит тебе тратить свое состояние. Но меня успокаивает только одно – твой будущий муж сумеет с честью проводить тебя в ближайший «Дом Забвения» и контролировать, чтобы по пути ты никуда не пропала. Ведь в прошлом он тоже ловец. Тем более ждать осталось не так долго.

Сказав это, я нажал на отбой. Представляю, как сейчас бесится Эдит. Впрочем, какое мне теперь до этого дело?..

Глава 8.

Мы с Лизи курили на кухне. Я показал ей тетрадь и фотографию женщины. Тетрадь ее не заинтересовала, а вот фотографию она рассматривала долго.

– Ты очень похожа на нее. Это твоя мать?

– Не знаю. Отец никогда не рассказывал о ней, – ответила Лизи, засовывая снимок между страниц.

– Ты знаешь, где твой отец? – спросил я.

– Знаю, – ответила она и посмотрела на часы.

Она явно кого-то ждала, но я не решился спросить ее. Вместо этого я задал ей банальный вопрос:

– Куда ты теперь пойдешь? Тебя ищут.

Она посмотрела на огонек своей сигареты и спокойно ответила:

– Меня скоро здесь все равно не будет.

– Куда же ты денешься?

– Уйду в Зазеркалье вместе с отцом, – ответила она и затушила сигарету.

Вот это да! Такое положение дел меня совсем не устраивало. Она мне нравилась, и я надеялся на то, что теперь, после того как я стал богат, она посмотрит на меня другими глазами. Кто сказал, что я недостойн любви? Ведь любят меня в этом мире целых три существа: Анна, ее муж и Хвост. Мне безумно хотелось, чтобы к этой компании присоединилась и Лизи. Это сделало бы меня самым счастливым человеком на свете.

– Зачем он хочет уйти туда?

– Папе нужно вернуться в прошлое.

– И как он это сделает?

– Один человек должен достать для него коды, – ответила Лизи.

– А человек надежный?

Лизи улыбнулась:

– Очень. Я собираюсь за него замуж.

Мне словно дали под дых. Чтобы не показать собственное смущение и эмоции, вызванные ее словами, я встал и подошел к окну. За ним по песчаному берегу бродили трое детишек и собирали ракушки. Еще один строил замок из мокрого песка.

– Когда собираешься встретиться с отцом?

– Он сам сюда прибудет.

Я удивленно посмотрел на нее:

– Ко мне домой?

Лизи кивнула.

– А он знает, как меня найти?

– Я сказала ему, как. Еще утром, когда была в душе.

Я потер свою шею рукой:

– Но ты не знаешь код этой местности.

– Знаю. Вчера, когда ты тащил меня на себе, то все время со мной разговаривал.

– И, разумеется, озвучил код, – закончил я за нее.

– Нажимая кнопки, ты называл их вслух.

– Понятно, – сказал я.

– Ты должен знать, я тебе очень благодарна.

Лизи хотела еще что-то сказать, но в этот момент входная дверь с грохотом распахнулась, и в дом ворвался высокий чернокожий парень, на котором буквально висел шуплый старик. Хвост, дремавший под столом, тут же подскочил и, наострив уши, зарычал при виде незнакомцев.

– Папа! – воскликнула Лизи и бросилась к старику.

Она помогла дотащить профессора до стула и, усадив его, стала растирать морщинистые руки. Профессор, уронив голову на грудь, тяжело дышал, и по его лицу струились капли пота.

Хвост, усевшись около моих ног, протянул:

– Ну-уже-ен ввра-ач.

– Вижу, – сказал я. – Беги к Анне.

Хвост поднялся, но Лизи воскликнула:

– Нет! Сейчас все будет хорошо.

Бумажным полотенцем она промокнула отцу лоб, после чего, налив в стакан воды, поднесла его к сухим губам профессора. Тот взял стакан трясущимися руками и, сделав два глотка, поставил его на стол. Откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, он тяжело вздохнул.

Лизи, нагнувшись к нему, тихо спросила:

– Ты как, папа?

– Лучше, доченька, лучше, – не открывая глаз, ответил тот.

Лизи погладила его по голове, а затем подошла к чернокожему незнакомцу. Тот обнял ее и поцеловал в лоб.

– Ты останешься? – спросила она его.

– Нет, малыш. Надо еще кое-что сделать. Подожди еще немного.

И он, прижав Лизи к себе, поцеловал ее в губы. Я отвернулся. Мне стало ясно, кем был этот незнакомец для Лизи. У меня за спиной хлопнула дверь. Повернувшись, я посмотрел на дочь профессора – у нее был виноватый вид.

– Это он? – спросил я ее.

Она покраснела и, потерев тонким пальцем висок, ответила:

– Он – лучший.

Я хотел уйти, но профессор остановил меня:

– Вы не сядете за стол? – спросил он меня хриплым голосом. – Я хочу поговорить с вами.

Я выполнил его просьбу. Выпив еще воды, отец Лизи сказал:

– Вы, наверное, удивлены моим состоянием. Дело в том, что у меня агорафобия и без посторонней помощи я не могу выйти на улицу. Впрочем, общаться с большим количеством людей мне тоже тяжело, – он горестно улыбнулся. – Быть полностью выключенным из общественной жизни – крайне неприятно.

– Откуда у вас эта фобия? – спросил я.

– Расплата за долгое нахождение в пустых пластах Зазеркалья. Я слишком долго был там...

– Пустых? – я не понимал, о чем он говорит.

– Да... Скотт помог мне добраться до вашего дома. Он очень надежный человек. Дочка, он уже ушел?

Лизи с тревогой посмотрела на отца:

– Папа, как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

Его взгляд упал на тетрадь, лежавшую на столе. Дрожащими руками он потянулся к ней.

– Откуда она здесь? – едва слышно спросил он.

Я замешкался. Профессор, открыв тетрадь, обратился к дочери:

– Знаешь, что в ней? Мой труд за несколько столетий. Ее надо беречь. Она и только она поможет мне вернуться обратно.

– Ты говоришь о прошлом? – уточнила Лизи.

– Да.

Я поднялся и, уперевшись кулаками в поверхность стола, спросил:

– Скажите, зачем вам это надо? Не лучше ли остаться дома и спокойно прожить остаток своих дней?

Лизи посмотрела на меня:

– Если папа останется, то его уничтожат. В конце концов, это не твое дело.

– Ты права! Это не мое дело, – я выпрямился и, сложив руки на груди, стал расхаживать взад и вперед. – Но мне все-таки хочется понять, зачем человеку, чье имя можно вычислить только в том случае, если на него донесут, стремиться в прошлое? Невозможно вернуться туда, откуда ты сам родом. Можно вернуться только в одно из параллельных прошлых. Даже я помню это из школьной программы!

Словно почуяв мое настроение, Хвост подошел ко мне. Я остановился и погладил его по голове.

– Вы правы и не правы, молодой человек, – сказал профессор, рассматривая Хвоста, – мне кажется, или ваша собака просится на улицу?

Услышав это, Хвост рванул к двери. Лизи выпустила его во двор, а профессор продолжил:

– Так вот, молодой человек, чтобы вы знали: для того чтобы вернуться в то прошлое, из которого, как вы выразились, человек родом, надо просто знать, как это сделать. И это знание находится здесь, – профессор похлопал рукой по тетрадке: – К тому же, возвращаясь именно в такое прошлое, мы не встречаем там самих себя. Мы становимся собой. Но! У нас остается та память, что была до перемещения. Приобретенный багаж знаний.

На меня внезапно навалилась усталость, и почему-то пришло в голову, что профессор, подобно вампиру, высасывает из меня всю энергию, а вместе с ней и жизнь. Я не знал, как возразить ему:

– Простите меня, – обратился я к нему. – Возможно, я человек недалекий и у меня в голове не укладывается все то, что вы сейчас говорите, но я не понимаю, зачем возвращаться назад?

Профессор посмотрел на меня, как на маленького ребенка, неспособного понять элементарные вещи.

– Вас какой ответ устроит: личные причины или в масштабах Вселенной?

Лизи взмолилась:

– Папа, скажи ему!

Подумав пару минут, профессор начал говорить. Его воспоминания лились рекой, и мы с Лизи боялись пошевелиться, чтобы не вспугнуть их. Но мы зря боялись – профессор не замечал ничего. Даже Хвост, ворвавшийся в дом после прогулки, не смог прервать его. Профессор рассказывал о своих родителях, дедах и прадедах, школе, университете, любви, дружбе, предательстве, работе и многих других вещах. Выходило, что Артур Зарин хотел вернуться обратно лишь по двум причинам: первая – это не дать возможность провести опыты в коллайдере, и вторая причина была в женщине, которую он любил и потерял, когда согласился изучать разломы. В какой-то момент времени я сказал:

– Ваша дочь очень похожа на ту женщину.

Лизи одними губами сказала: «Замолчи», но я и не собирался останавливаться:

– Профессор, а сколько вам было, когда появились разломы?

– Сорок два, – ответил он.

– И в какой возраст вы хотите вернуться?

– В университетские годы, – ответил Артур Зарин, – я очень сильно хочу увидеть своих близких, а спустя двадцать лет и её.

Он поднялся и, засунув руки в карманы своих длинных шорт, подошел к окну.

– А как же Лизи? – не унимался я. – Вы думали о том, где она будет жить, что делать?

– Ну, чем ей заниматься, мы решим на месте, когда попадем туда, – ответил он и стал смотреть в окно.

Я подал знак, и мы с Лизи вышли во двор.

– Твой отец сошел с ума, – почти шепотом сказал я. – Он одержим. Ты понимаешь, что он предлагает?

– Софи, не вмешивайся!

– Лизи, то, что он предлагает – это самоубийство. Во всяком случае, для тебя.

– Что ты имеешь в виду? – Лизи в испуге отпрянула от меня.

– А ты не понимаешь? – я на минуту закрыл ладонями лицо. – Если предположить, что он действительно откроет канал именно с его прошлым, то ты погибнешь. Тебя нет в том мире – ты не дойдешь до него. Ты просто растворишься в пространстве! Даже я, не будучи академиком, понимаю это.

– Этого не может быть! – Лизи приблизилась ко мне, – он наверняка все предусмотрел. Иначе, зачем ему нужно, чтобы и я ушла в его прошлое? Если бы мне грозила опасность, он бы никогда... Он меня безумно любит.

У меня не было ответа на этот вопрос.

– Послушай, – я притянул ее к себе. – Только сразу не отвечай. Дай мне слово, что подумаешь. Ты мне очень нравишься. Нет, не так. Я влюблен в тебя и знаю, что ты единственная женщина, с которой мне хотелось бы прожить остаток жизни. Если у меня есть хоть небольшой шанс быть вместе с тобой, я пойду за тобой куда угодно, в любой пласт, где люди свободны в своем выборе. И мне не важно, есть ли в том мире виркомы и порталы. Я согласен передвигаться пешком, ездить на поездах, повозках, пахать землю, колоть дрова – все то, что делали наши предки и продолжают делать многие обитатели других миров. Главное – чтобы около меня была ты и Хвост. Прошу тебя, подумай.

И я поцеловал ее. Это был взрыв, который смел все мои сомнения. Теперь я точно знал – мы единое целое и вдвоем преодолеем любые трудности. Наступит день, и она станет моей женой...

Но Лизи оттолкнула меня и, вытерев ладонью свои губы, холодно сказала:

– Я очень прошу, никогда больше не дотрагивайся до меня. Я люблю другого человека...

Глава 9.

За окном было совсем темно, когда мне безумно захотелось есть. С того момента, как я поцеловал Лизи, и она отвергла меня, прошло несколько часов. Дочь профессора старалась не попадаться мне на глаза, и все свое время проводила с отцом. Мой небольшой дом разделся как бы на две половины: профессор и его дочь обитали в комнате, а я на кухне. Хвост – единственный, кто блуждал по всему дому и валялся там, где ему хотелось. Привыкнув к тому, что почти каждый день еду мне приносила Анна, я редко готовил себе сам. Но сегодня, после бессонной ночи, беспокоить пожилую женщину не хотелось, и я, порывшись в кухонных шкафах, извлек из них немного овощей, хлеба и яиц. Приготовив овощной омлет, я, включив термопот, начал нарезать хлеб.

– Странно, – услышал я за своей спиной голос Лизи.

Я повернулся к ней.

– Что странно?

– Ты не пользуешься одноразовой посудой – вот что странно.

– Пользуюсь, когда вынужден есть вне дома. А тебе не нравится пользоваться обыкновенной?

Лизи пожала плечами.

– Мне как-то все равно.

Нарезав хлеб, я услышал, как отец Лизи, до этого тихо сидевший в комнате, вошел в кухню и, потянув носом, сказал:

– Пахнет довольно вкусно. На нас с дочерью хватит?

– Прошу к столу, – довольно сдержанно ответил я, ставя на стол старинную сковороду, которую мне в свое время выделила из своих запасников Анна. На ней еще продолжала шипеть приготовленная мной трапеза.

Профессор, усаживаясь за стол, внезапно сказал:

– Что-то Скотт задерживается.

Я поставил на стол корзинку с хлебом и спросил:

– Если вы не получите коды от портала, то как собираетесь проникнуть в Зазеркалье?

– Дело в том, – ответил профессор, – что даже если я и получу те самые коды, то воспользоваться ими не смогу.

– Почему?

– Потому что кроме них у меня на руках должен быть документ, разрешающий находиться на той стороне.

– Тогда, – сказал я, накладывая себе еду в тарелку, – как вы собираетесь получить эти документы?

– Все должен сделать Скотт, – ответил профессор, наливая себе в чашку чай.

Индикатор на ней тут же показал, что в чашке находится крутой кипяток. Отец Лизи поднес чашку к губам и большими глотками стал поглощать напиток.

– Вы не боитесь обжечься? – с тревогой спросил я.

Лизи ответила за него:

– Он не чувствует боли, не ощущает холода и может свариться в кипятке с улыбкой на лице.

– У него отсутствует чувствительность? – уточнил я, отправляя в рот кусок омлета.

Лизи взяла тарелку и, положив в нее немного тушеных овощей, поставила перед отцом.

– Что-то в этом роде, – ответила она, усаживаясь за стол. – Это произошло лет двести назад, когда отец со своей группой изучал один далекий пласт пространства. Если кратко, то они обнаружили там странную туманность, попав в которую человек лишается многих своих природных возможностей... Давайте кушать!

Профессор кивнул головой и принялся поглощать свою порцию.

После ужина он ушел в комнату, а Лизи принялась мыть посуду. Я, закурив, уставился в окно.

Минут через десять в кухню вернулся профессор. Он был чем-то встревожен.

– Папа, что-то случилось? – спросила его Лизи, вытирая тарелки.

– Позвонил Рони, – ответил профессор. – Скотту не удалось достать документы. Мало того, за ним гонятся.

Лизи в ужасе прижала пальцы к губам.

– Что же нам делать?

– Уходить будем через неустойчивый портал.

Услышав его слова, я вздрогнул. Нам чуть ли не с пеленок внушали, что все без исключения порталы находятся под строжайшим контролем ДОБ, в стабильном и надежном состоянии.

– Что значит «неустойчивый портал»? – осторожно спросил я, вынимая из пачки новую сигарету.

Осознав, что сболтнул лишнее, профессор попытался перевести разговор на другую тему, но я не позволил ему это сделать. Неохотно, но ему пришлось рассказать:

– Об этом не распространялись. Есть несколько труднодоступных мест, где образовались такие порталы. На них невозможно установить коды, потому что их поведение непредсказуемо, к тому же они, как правило, ведут только в определенные пласты Зазеркалья.

– Их охраняют? – поинтересовался я.

– Их нет смысла охранять, – сказал профессор. – До них еще надо умудриться добраться.

К тому же об этих местах знают лишь несколько человек, в том числе и ваш покорный слуга.

Я взъерошил волосы, затем, поднявшись, подошел к входной двери. Открыв ее, я впустил в дом прохладный вечерний воздух. Прислонившись плечом к дверному косяку, я закрыл глаза и подумал о том, что мой отец, вероятно, каким-то образом узнал о существовании таких порталов и ушел в Зазеркалье через один из них. Если ушел, а не трагически погиб.

– Интересно, – сказал я вслух, – какие еще тайны скрывает от нас ОП?..

Эту ночь я проспал без сновидений. Просто лег и отключился...

Когда запищал мой вирком, я открыл глаза и, спустив на пол босые ноги, поднялся с тахты. Широко зевая, я потянулся. Из кухни, цокая когтями, прибежал Хвост и проурчал:

– Го-ости-и.

– Хвост, какие к черту гости! Я никого не приглашал!

Почесывая рукой спину, я направился на кухню и оторопел. Вот кого я не ожидал увидеть, так это мою мать. Она сидела за кухонным столом рядом с профессором.

– Господи, – простонал я и, не здороваясь, направился в ванную.

Там я довольно долго простоял под прохладным душем, а воду выключил только тогда, когда в дверь тихонько постучали.

– Софи, у тебя все в порядке? – услышал я голос Лизи.

– Да! – громко ответил я. – Уже выхожу!

Натянув на себя спортивные штаны и широкую футболку, я вернулся на кухню и схватил первое, что попало мне под руку – миску Хвоста.

– Я его уже покормила, – произнесла Лизи, бережно забирая миску из моих рук.

– Спасибо.

– С тобой точно все в порядке? – тихо поинтересовалась она. – Ты какой-то взъерошенный.

– У меня все великолепно, – ответил я и начал глазами искать сигареты.

Как назло, их нигде не было видно. Лизи, пожав плечами, отошла в сторону.

– Хвост, где мои сигареты?

Хвост, вильнув хвостом, пустился на их поиски. Налив себе кофе, я тут же выпил его большими глотками и, стараясь не глядеть на мать, спросил у нее:

– Что ты здесь делаешь? Кажется, мы не договаривались о встрече.

Джул наигранно улыбнулась, а Лизи, смущенная происходящим, подошла к отцу:

– Папа, ты не мог бы уделить мне несколько минут?

– Да-да, конечно. Тем более, мне надо сделать один звонок.

Когда они ушли, я пристально посмотрел на Джул:

– Обрадуй меня и скажи, что уже уходишь.

Ни один мускул не дрогнул на лице этой женщины. В кухню, радостно поскуливая, ворвался Хвост. В пасти он держал пачку сигарет.

– Спасибо, дружище! – сказал я, забирая у него сигареты.

Закурив, я снова посмотрел на мать. Она, усмехнувшись, сказала:

– Вообще-то я никуда не собираюсь. Я решила погостить у тебя. Здесь море, прекрасный воздух.

– Не понял... Это мой дом, и видеть тебя в нем я не хочу.

Джул сухо возразила:

– Меня это не волнует. Как-нибудь месяц потерпишь.

– Вот как? А, позволь узнать, почему только месяц, а не два?

– Через месяц у меня операция.

– Какая? Ты не похожа на больную.

– Я здорова, вот только стою одной ногой в могиле.

И тут я все понял.

– Ты с ума сошла?! – заорал я. – Если власти узнают об этом, то уничтожат тебя раньше времени!

– Мне и так осталось меньше полугода. Так почему бы не рискнуть?

– Да! Но могут пострадать твои дети, – я потушил сигарету. – Их привлекут к ответственности, и никто не будет разбираться, знали они об этом или нет.

– Плевать! Это моя жизнь, и я борюсь за нее, как могу.

От возмущения я начал задыхаться:

– Какая же ты тварь!

– Не смей меня осуждать! – крикнула Джул и со всей силы ударила кулаком по столу.

Такой я ее никогда не видел. Я несколько раз глубоко вздохнул и сосчитал до десяти.

Успокоившись и восстановив дыхание, я посмотрел на нее:

– А если это сказка? Тебе пообещают, возьмут деньги, а на деле окажется все не так?

– Не говори чушь! Я встречалась с врачом, который это делает. Он и себе изменил биор.

– Никто не может изменить биор! – закричал я и тут же вспомнил про биор профессора.

– За деньги можно все!

– Хорошо, – примирительно сказал я. – Я не ученый и биоры не меняю. Но в этом доме ты не останешься.

– Мне нужны деньги, – сказала Джул и, поднявшись, подошла ко мне так близко, что я уловил нежный аромат ее духов.

– Сколько? – спросил я, надеясь, что это заставит ее убраться из моего дома прямо сейчас.

– Думаю, миллиона будет достаточно.

Я чуть не потерял дара речи.

– Побойся бога, Джул! Откуда у меня такие деньги? Я всего лишь ловец.

Джул еще ближе придвинулась ко мне. Погладив меня по груди, она, хищно улыбнувшись, сказала:

– Ты очень часто был рассеянным, мой мальчик. Когда мы отпраздновали твое совершеннолетие, что тебе сказал твой старший брат?

Она бы еще спросила, что мне сказали Эдит или Лоренц три дня назад. Откуда я помню, что мне говорил мой старший брат много лет назад!

– И что же сказал Дон? – поинтересовался я, отступая от матери на один шаг.

– А он тогда сказал следующее: «Ты стал взрослым, брат. Теперь ты не должен отчитываться ни перед кем. Мой тебе совет, отключи свой вирком от виркома нашей матери, тогда она не будет знать то, чего ты не хочешь, чтобы она знала».

Я стал что-то припоминать. Да, Дон меня предупредил, и я собирался это сделать, но потом закрутился и забыл... Дьявол! Джул все эти годы могла отслеживать не только мою переписку, но и мой банковский счет. Следовательно, она видела, что мне поступили большие деньги.

– Да-да-да, сын мой, я знаю, что некая мисс Элизабет Родригес перевела тебе целый миллион, – Джул, довольная своим ударом, снова села на стул и, положив ногу на ногу, продолжила: – После того, как я сменю биор, мне очень пригодятся эти деньги. А тебе и твоему псу много не надо. Признаю, я не была идеальной матерью, но тебе придется отдать деньги мне. Иначе...

– Что иначе? – насторожился я.

Но Джул не успела ответить. Только она открыла рот, чтобы выпустить очередную порцию яда, как входная дверь распахнулась, и в дом ввалились двое: Скотт с окровавленной рукой и невысокий азиат, которого я видел впервые.

При виде странной парочки Джул промурлыкала:

– Сколько интересных гостей! Ну что же, не буду мешать. Договорим позже. Пойду прогуляюсь, подышу морским воздухом. А ты подумай, сынок.

И, сложив губы в виде поцелуя, она вышла из дома.

Скотт, проводив Джул взглядом, спросил:

– Где профессор?

Я крикнул:

– Профессор! К вам пришли!

Он не заставил себя долго ждать. В сопровождении Лизи и Хвоста он появился на кухне. Увидав мужчин, Хвост тут же подбежал к ним и принялся обнюхивать их брюки и ботинки, шумно втягивая в себя новые запахи. Лизи кинулась к Скотту:

– Что с тобой? Ты ранен?

Скотт, поцеловав ее в макушку, ответил:

– Не волнуйся, это всего лишь царапина, пройдет.

Затем, обратившись к профессору, добавил:

– Мы с Рони запутали следы, так что у нас в запасе есть несколько часов, но будет лучше, если мы уйдем в течение часа. Думаю, самое время принять лекарство.

Профессор вынул из кармана небольшой пузырек и высыпал на ладонь горсть маленьких красных горошинок. Проглотив их, он сказал:

– Итак, действие препарата начнется минут через двадцать. Обсудим кое-что. Нам нужно будет попасть в Пекин. Неустойчивый портал, который мне нужен, находится внутри одной из «Пяти великих гор». Нам придется спуститься по отвесной стене и попасть в тоннель, ведущий к portalу.

– Если нам нужен Пекин, то проходить придется через пять порталов, – подал свой голос Рони.

– Вы справитесь, – сказал профессор. – Ну что же, осталось только дождаться, когда я усну.

– Кстати, напоминаю, – сказал Скотт, – виркомы нужно будет отключить и оставить в этом мире. Они все равно в Зазеркалье не пригодятся.

– Хорошо, – отозвалась Лизи.

В кухне воцарилась тишина. Профессор, борясь со сном, потер пальцами лоб и хотел что-то сказать, но язык его уже не слушался...

Я стоял в саду и смотрел на море. Хвост устроился около моих ног. Он лежал на траве и, довольный жизнью, жмурился от яркого полуденного солнца. Ко мне сзади тихо подошла Лизи. Я почувствовал ее присутствие каждой клеточкой своего тела.

– Софи, – начала она.

Но я оборвал её:

– Не надо ничего говорить. Ты ясно дала мне понять, что любишь другого и мне нечего делать в Зазеркалье.

– Не обижайся, – она провела ладонью по моей спине. – Я знаю Скотта много лет, а тебя только два дня.

Я повернулся к ней.

– Лизи, пусть мы и знакомы всего ничего, и судьба, к тому же, свела нас не лучшим образом, но я прошу прислушаться к моим словам: не ходи с отцом – он сумасшедший и явно выжил из ума.

– Я должна пойти.

Она вздохнула, печально улыбнулась и ушла.

Я специально не возвращался домой минут сорок. Все стоял и смотрел на волны. Мне было холодно и неловко. Неловко за свой поцелуй, за то, что отказался помочь, но, в конце концов, почему я должен им помогать? Пусть скажут спасибо, что не сообщил об их побеге

властям. Поежившись, я вернулся в дом. В нем было тихо – мои незваные гости ушли. Я проверил основную дверь – она была просто прикрыта. Захлопнув ее, я прошел в комнату и включил телеком. Хвост тут же залез на тахту и оттуда стал наблюдать за тем, как я прибираюсь. Потом мы оба, развалившись на скомканном белье, дремали, укрывшись теплым пледом. Ближе к вечеру нас навестила Анна. Она принесла творожную запеканку, и Хвост тут же выпросил половину.

– Анна, – поглощая ужин, спросил я у хозяйки. – Вы случайно не встречали мою мать?

– Я видела здесь незнакомую красивую женщину со светлыми волосами. Это твоя мама?

– Да. Джул. Она еще утром направилась побродить по пляжу и до сих пор не вернулась.

Не могу сказать, что я огорчен, но все же.

– Так она давно ушла, – доложила Анна.

– Ушла? – переспросил я. – Странно, она собиралась провести здесь целый месяц.

– Ушла, ушла, – повторила Анна. – С твоими гостями.

Вилка выпала из моих рук.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Она еще так нежно обнимала твою подругу.

У меня похолодело внутри. Это было не к добру. Поздно вечером я все-таки набрал на виркоме номер Джул.

– Ты где? – спросил я ее, когда она ответила.

– Решила немного проветриться. Ты был не рад моему визиту, и я решила составить компанию твоим новым знакомым.

– Джул, – вкрадчиво спросил я, – что ты задумала?

– Ничего.

– Я могу поговорить с Лизи? Она рядом?

Связь разъединилась. Я снова набрал номер Джул. На этот раз я услышал голос Лизи:

– Софи, это я.

– Лизи, с тобой все нормально?

– Не совсем, – немного замешкав, ответила она.

– Что случилось? Джул вас шантажирует?

– Назовем это по-другому, – услышал я голос матери.

Понятно, она включила громкую связь.

– И как мы это назовем? – поинтересовался я.

– Соглашением.

– Послушай, Джул, ты хотела денег? Возвращайся, я отдам их тебе, только оставь людей в покое.

В ответ я услышал ее нервный смех.

– Софи, зачем мне деньги, если я могу уйти в Зазеркалье?

– Откуда ты знаешь про Зазеркалье? Подслушивала?

Она не ответила. Вместо нее я снова услышал голос Лизи:

– Софи, мы справимся.

– Где вы сейчас находитесь?

– В горном отеле.

– Никуда не уходите. Я скоро буду, только собаку отведу к старикам.

– А мы и не можем, – ответила Софи. – Скотт... Ему очень плохо.

Я отключился и посмотрел на Хвоста. Тот внимательно смотрел на меня. Обычно сложенные по бокам уши стояли торчком. Сев перед ним на корточки, я погладил его по голове:

– Послушай, парень. Мне надо срочно уйти. Лизи нужна помощь. Я мог бы взять тебя с собой, но там может быть опасно. Это горы. Тебе лучше остаться здесь – с Анной и ее мужем.

Хвост потянулся и лизнул меня в щеку.

- Ты-ы ско-орро-о прри-иде-ешь? – провыл он.
- Не знаю. Я буду очень стараться, – у меня к горлу подкатил комок.
- Ску-уча-ать, – пес смотрел прямо мне в глаза.
- Я тоже буду скучать. Очень.

Хвост, склонив голову на бок, высунул язык. Затем, снова лизнув меня, сказал:

- Я-я зде-есь бу-уду-у жда-ать.

Я обнял его, а потом, поцеловав в нос, поднялся. Слезы щипали мне глаза. Я не знал, сколько проведу вдали от него. Быстро собрав его игрушки, миски и еду, я отправился с ним к старикам...

Когда мы подошли к дому Анны и Альберто, Хвост, распахнув входную дверь, ворвался в дом и радостным лаем сообщил о своем прибытии. Старики сидели в плетеных креслах около камина. Альберто, закрыв глаза, слушал по телекому последние новости, а Анна перебирала что-то в небольшой коробке, стоявшей у нее на коленях. Хвост бросился к ним, и Анна, оторвавшись от своего занятия, ласково потрепала собаку по загривку. Альберто, выключив телеком, поднялся и пожал мне руку:

- Как голова, супермен? – спросил он.
- Все хорошо, – ответил я, опуская на пол пакет Хвоста.

Анна с любопытством посмотрела на него.

- Еще час назад ты вроде никуда не собирался, – сказала она.

– А теперь мне надо уехать. И.., – я старался подобрать нужные слова. – Я не знаю, когда вернуться. Может, завтра, а может, только через неделю.

В воздухе повисло тягостное молчание. Я ждал, что скажут старики, но они лишь смотрели на меня в упор. Глубоко вздохнув, я сказал:

– Вы самые близкие для меня люди. Не знаю, как бы я жил без вас. Благодаря моей матери, мои гости попали в неприятную ситуацию, и мне надо им помочь. Вы присмотрите за Хвостом?

– Сынок, – тихо сказал Альберто, – ты только не волнуйся за собаку – ему с нами будет хорошо. Он великолепно ладит с нашими внуками, так что скучать ему не придется. И еще... Будем надеяться, что ты справишься быстро, но жизнь порой плетет замысловатые узоры. Всякое может произойти. Ты иди и делай то, что считаешь нужным, а мы просто будем тебя ждать.

Кивнув головой, я обнял старика. Анна, поставив коробку на невысокий пуфик, поднялась на ноги и, поцеловав меня в щеку, произнесла:

– Мы будем за тебя молиться, милый. И, кстати, можешь не торопиться – я, наконец, смогу как следует убраться в твоём доме. Когда ты вернешься, в нём будет идеальная чистота и порядок.

Я рассмеялся:

– Спасибо, Анна. И вот еще что. Я перевел вам деньги на всякие там расходы за дом и собаку. Если задержусь, то вы знаете, где у меня хранится его еда. Спасибо. Я люблю вас.

- Об этом мог бы и не говорить, – сказал Альберто, – ты давно стал для нас сыном.

Анна закивала головой в знак согласия с мужем, и по ее морщинистой щеке скатилась слеза.

Тихонько заскулил Хвост. Я наклонился к нему и, обхватив ладонями его морду, произнес:

– Прости меня, дружище, так надо. Будь умницей и не скучай. Ты остаешься дома с теми, кто тебя любит.

- И-и я-я лю-юби-ит, – отозвался пес.

Улыбнувшись, я щелкнул его по носу...

Глава 10.

Добравшись до Пекина, я первым делом узнал код портала, ведущий в отель. Едва я переступил его порог, как мне на шею бросилась Лизи. Ее глаза и нос были припухшими. Значит, она плакала. Я обнял ее, и мы поднялись в комнату. Она была небольшой, но уютной. Скотт лежал на кровати, остальные молча сидели за столом. Не здороваясь, я подошел к Скотту и потрогал его лоб. Он был очень горячий. Сухими губами Скотт что-то бормотал себе под нос.

– Что с ним случилось? – спросил я.

Мне ответил Рони:

– Мы сами понять не можем. У него внезапно поднялась температура. Рана на руке выглядит очень плохо. Похоже на заражение.

– Странно, – сказал я. – Так быстро. Меньше, чем за сутки... Медиков вызывали?

– Мы не рискуем, учитывая, что за нами гонятся.

– Но он бредит, – сказал я. – Если это заражение, то без медиков парень не выживет.

Лизи, всхлипывая, взяла с тумбочки губку и, смочив ее водой из бутылки, принялась обтирать его лицо.

Я повернулся к Джул. Та с безучастным видом наблюдала за происходящим. Вынув из кармана пачку сигарет, я, закурив, спросил ее:

– Ты еще не передумала идти в Зазеркалье?

– Не твое дело, – надменно сказала она.

– Ты же понимаешь, что после того, как ты не явишься в «Дом Забвения», всех твоих детей будут допрашивать сотрудники ДОБ, а на тебя объявят охоту...

Затянувшись, я продолжил:

– Я одного не пойму. Что ты там забыла? Ни друзей, ни вечеринок. Другой мир, другие законы, никого и ничего не знаешь.

Джул смерила меня презрительным взглядом и заметила:

– Когда ты согласишься смерти в лицо, то тебя абсолютно не будут волновать такие мелочи.

Надо же, моя мать еще и философствовать умеет. Я повернулся к профессору:

– Интересно, а что вас всех заставило подчиниться этой мерзавке?

Профессор заерзал на стуле:

– Хочу заметить, что ваша мать является некой гарантией того, что нас не будут поджидать около портала.

Лизи умоляюще посмотрела на отца:

– Папа, прошу тебя, не начинай.

Но профессор был полон решимости:

– Я имею право высказать свое мнение! Так как нам не избежать компании этой женщины, – он ткнул пальцем в сторону невозмутимой Джул, – я уповаю только на то, что, когда мы подойдем к portalу, за нами не будут следовать еще человек пятьдесят!..

Конечно, в чем-то он был прав. Рисковал не только он, рисковали все. Как ловец я знал, что никто сейчас не мог дать гарантию того, что около портала нас не будут поджидать представители власти.

Почесав себе кончик носа, я спросил:

– Когда вы собираетесь выдвигаться?

Профессор развел руками:

– Вы же видите...

– Если не уйдем в ближайшие минут сорок, – добавил Рони, – то мы уже никуда не сможем уйти.

– Почему? – удивился я.

– Через три часа здесь начнется праздничный молебен и соберется куча народа. Без свидетелей не обойтись.

– Нужно что-то придумать, – сказал я, хотя понятия не имел, что можно сделать в такой ситуации.

Из-за стола поднялась Джул. Потянувшись, она надменно произнесла:

– А теперь все слушают меня. Несколько часов назад я сообщила в департамент о готовящемся побеге. Со мной сразу же заключили соглашение. Оно здесь. – Джул подняла вверх руку, демонстрируя виркомовский браслет. – Как только я активирую электронную подпись, ДОБ выделит мне двадцать лет жизни. Хороший обмен, не правда ли?

Мне стоило больших усилий, чтобы взять себя в руки.

– Так чего ты ждешь? – спокойно сказал я. – Активируй, и еще двадцать лет ты сможешь порхать, как бабочка, и жалить, как оса.

Она рассмеялась:

– А что мне делать потом, когда закончится и это время?

– Всё когда-нибудь заканчивается, мама. И жизнь тоже. Ты не сможешь жить вечно!

– Ты прав, сын, – заметила Джул, – но я хотя бы в миг ухода не буду чувствовать себя овцой на заклании. И ещё. Если кому-то в голову придет мысль расправиться со мной, то знайте, что мой вирком настроен на биение моего сердца. Если оно остановится, то информация о вас тут же уйдет в департамент. Вы даже пикнуть не успеете. Даю вам на сборы пятнадцать минут. Я буду ждать около отеля. Через четверть часа, если я не увижу ваши милые мордашки, то буду крайне расстроена. Это вынудит меня подтвердить мое соглашение с ДОБ.

Улыбнувшись, она грациозно покинула номер. Я смотрел ей вслед и понимал, что Джул победила в очередной раз. Ей было все равно, что будет с другими. Она была чудовищем с ангельским лицом.

Мы уложились в те пятнадцать минут, что дала нам Джул. Даже профессор решился выйти на улицу без снотворного. Мы завязали ему глаза, одев поверх повязки темные очки, и Лизи, поддерживая отца под руку, вывела его из отеля. Я так и не смог уговорить ее вызвать врача, а так как у Рони руки были заняты тяжелыми сумками, мне пришлось одному тащить этого большого парня. С трудом подняв обмякшее тело с кровати, я взвалил его себе на плечо и медленно понес к выходу...

Рони привел нас к самому отдаленному склону горы, подальше от любопытных глаз, где мы и сделали привал. Опустив Скотта на землю, я прислонил его к каменной глыбе. К моему ужасу, он не подавал признаков жизни. У Лизи, когда я сказал ей об этом, случилась истерика. Она опустилась перед телом Скотта на колени и разрыдалась. Когда Джул потребовала, несмотря на состояние Лизи и ее отца, идти дальше, я впервые в жизни дал матери пощечину.

Рони предложил спрятать Скотта в небольшом гроте и пообещал вернуться сюда с парочкой надежных парней, которые помогут переправить тело для кремации. Услышав об этом Лизи немного успокоилась, но затем передумала и, посмотрев на отца стеклянным взглядом, сказала:

– Я никуда не пойду.

Профессор срывающимся голосом возразил:

– Лизи! Ты не можешь так поступить со мной! Ты мне обещала!

– Отец, у тебя есть сердце? Как я смогу жить там, зная, что не проводила любимого человека в последний путь?

У профессора окончательно сорвался голос:

– Могила моей любимой давно погребена под искусственным морем. А я продолжаю жить...

Но Лизи стояла на своем. Смирившись, профессор попросил довести его до портала, так как боялся оставаться наедине с моей матерью.

Пока Рони, открыв сумки, вытаскивал альпинистское снаряжение, профессор взял с меня слово, что я спрячу его дочь у себя дома и буду о ней заботиться. Я поклялся, что буду заботиться о ней до своего последнего вздоха. Увидав, что Рони, вынув из сумки страховочную веревку, направился к самому краю, я увязался за ним.

– Что собираешься делать? – спросил я, со страхом посмотрев вниз.

– Для начала закреплю веревку.

– Как?

– За скальный крюк.

– Здесь уже кто-то спускался?

– А ты как думаешь?

Я пожал плечами. Усмехнувшись, Рони попросил меня подстраховать его. Минут пятнадцать я изо всех сил удерживал китайца за ноги, пока тот, свесившись вниз, крепил веревку. Когда для спуска все было готово, Рони помог нам надеть страховку и несколько раз проверил крепления на широких поясах. Убедившись, что плечевые и ножные ремни сидят нормально, китаец проинструктировал всех насчет карабинов, зажимов и чего-то там еще. Мы молча его слушали. Не знаю, как другие, но я по горам никогда не лазил и за действиями альпинистов наблюдал лишь пару раз со стороны.

Прослушав инструктаж, Джул с обольстительной улыбкой посмотрела на меня:

– Даже не думайте со своей подружкой отстегнуть меня на высоте. Не забывай, мой вирком...

– Ну что ты, мама! Во-первых, я даже не представляю себе, как это сделать, а во-вторых, мы будем спускаться по очереди. Главное, ты сама не испусти дух.

Джул хмыкнула и отвернулась от меня.

Рони напомнил, что спускаться мы будем до уступа, ведущего в скалистый тоннель.

Первой спуск начала Лизи. Я наблюдал за ее действиями, чтобы потом, когда очередь дойдет до меня, сделать все предельно точно. Она спустилась очень быстро. Вторым Рони решил спустить профессора. Он подвел его к краю пропасти и, прицепив страховочный пояс к веревке, сказал:

– Ничего не бойтесь. Лизи страхует внизу.

Профессор молча кивнул головой и, сняв очки, поправил на глазах повязку. Поддерживаемый мной и китайцем, он осторожно полез вниз. Следующей была Джул. Когда ее ноги коснулись уступа, Рони сказал:

– Теперь твоя очередь. Я останусь здесь и буду ждать вашего возвращения. Только учти: если до вечера вы не вернетесь, я уйду. Лизи знает, как меня найти.

Зажмурившись от страха, я шагнул в пустоту, и мое сердце, ухнув, упало куда-то вниз. Несмотря на то, что я висел на страховочном поясе, медленно ползущем по веревке, мое воображение уже рисовало картину падения. От напряжения на моей шее вздулись вены, и я почти перестал дышать. Мне казалось, что спуск длится вечность. Когда мои ноги соприкоснулись с твердым основанием, я открыл глаза и, совершенно обессиленный, свалился на уступ. Вытянув вперед ноги, я прислонился спиной к прохладному камню скалы. Не знаю почему, но у меня гудело все тело. Мне не дали долго расслаживаться, и я, поднявшись на ноги, отцепил от себя пояс и шагнул в проем узкого тоннеля, прорубленного прямо в скальной породе. Над моей головой зажглись потолочные панели, осветив проход слабым светом...

Идти по неровной каменистой тропе было трудно. К тому же на некоторых участках пути свет отсутствовал, и приходилось пробираться наощупь. Время от времени кто-нибудь из нас обязательно спотыкался, и, чтобы не упасть, приходилось упираться руками в шершавые стены. Высота каменного свода постоянно менялась: то она нависала, и тогда приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой, а то устремлялась кверху, что позволяло двигаться в пол-

ный рост. Но, несмотря на все трудности, мы шли вперед, не останавливаясь, благо профессор мог передвигаться самостоятельно, сняв с себя повязку.

В какой-то момент времени тоннель начал расширяться и, устремившись вниз, привел нас в довольно просторную пещеру, где прямо посередине темным пятном распростерлось озеро. Здесь стояла какая-то зловещая тишина, лишь звуки, похожие на падающие капли воды, время от времени, нарушали ее подземный покой. Из-за насыщенного влагой воздуха и запаха сероводорода дышать было тяжело. Когда над нашими головами пронеслась стая летучих мышей, Джул, взвизгнув, отпрыгнула в сторону.

Профессор подошел к кромке воды и сказал:

– Мы на месте. Дальше дороги нет. Теперь остается только ждать.

– Чего? – спросил я, оглядываясь по сторонам.

– Когда откроется портал.

– Он находится прямо здесь? – поразился я.

– Конечно, – подтвердил профессор, – он прямо перед вами.

– Это – озеро, Софи, – тихо произнесла Лизи. – Озеро и есть портал.

– Ну, не совсем так, – возразил профессор, – просто он образовался в этом месте и из-за воды имеет неустойчивую структуру.

– Лизи, – сказал я, – думаю, что нам пора возвращаться.

– Я хочу убедиться, что папа пройдет нормально, – ответила она.

Мне ничего не оставалось делать, как присесть на небольшой каменистый выступ пещеры и ждать. Джул последовала моему примеру. Лизи подошла к отцу, и они стали о чем-то тихо переговариваться. Время тянулось медленно, и я задремал. Когда со стороны озера раздался гул и по его поверхности пошли круги, профессор крикнул:

– Портал! Всем отойти в сторону!

Не успев проснуться окончательно, я подскочил и бросился к воде, но вовремя остановился и попятился назад. Лизи, вместо того чтобы бежать, вцепилась в отца, пробуя оттащить его в сторону. Джул застыла на месте и не сводила глаз с поверхности озера. Вода в нем сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начала закручиваться в воронку, пока прямо посередине не образовалось черное пространство, пугающее своими размерами.

Профессор, стараясь перекричать шум водоворота, прокричал, обращаясь к моей матери:

– Вы идете?

Джул не двигалась. В ее глазах стоял панический страх. Замотав головой в разные стороны, она истошно заорала:

– Я не пойду в воронку! Она убьет меня!

Профессор быстро подошел к ней и довольно жестко сказал:

– Дамочка, меня абсолютно не интересует, что вас убьет. Но если вы не прыгнете в эту воронку – я буду тем, кто прикончит вас собственными руками! Быстро, портал сейчас закроется!

Он хотел схватить Джул за руку, но та в страхе отскочила от него. Наткнувшись на меня, она развернулась и, схватив меня за футболку, закричала:

– Софи! Помоги мне!

Я спокойно ответил:

– Ты сама хотела уйти в Зазеркалье. Тебя никто не принуждал.

Профессор махнул рукой и вошел в воду. Его тут же, словно щепку, подхватило течение и, закружив, увлекло за собой. И в этот момент случилось непредвиденное. Пещеру тряхнуло и Лизи с матерью, не удержавшись на ногах, скатились прямо в воду.

– Софи! – истошно заорала Джул и тут же с головой ушла под воду.

Вынырнув, она, отплевываясь, стала отчаянно барахтаться, пытаясь ухватиться руками хоть за что-нибудь. Но справиться с вращением воронки ей было не под силу, и вскоре она исчезла. Я кинулся к озеру и попробовал вытащить Лизи. Мне это почти удалось, но, поскользнувшись, я тоже очутился в воде. Сказать, что мне было страшно, значит, ничего не сказать. Мне было жутко. Я сразу вспомнил сон, в котором меня затягивало вниз. Втянув в себя побольше воздуха, я расслабился, и меня поглотила тьма...

Глава 11.

Все-таки я умудрился наглотаться воды и теперь, стоя на четвереньках, старался откашляться. Рядом, согнувшись пополам, стояла Джул и тоже пробовала справиться с рвотными позывами.

– С удачным переходом, – услышал я тихий голос профессора.

Откашлявшись, я поднялся на ноги и огляделся.

Мы находились в просторном и на удивление чистом помещении, которое тускло освещали лучики света, пробивавшиеся сквозь неплотно прикрытые жалюзи окон. Первое, на что наткнулся мой взгляд, был портал, состоящий из некой плавающей субстанции, зажатой со всех сторон металлическими штангами. Для меня это было несколько непривычно. Рядом на темной тумбе сидел профессор. Проследив за моим взглядом, он заметил:

– Не удивляйтесь, это старинный образец.

– Я это уже понял, – сказал я. – Скажите лучше, где мы находимся?

– На Сооне, – ответил профессор. – В заброшенной лаборатории одного моего старинного коллеги. Но вам это ни о чем не скажет.

– Заброшенной? – удивилась Лизи, стоявшая около невысокого стеллажа, на полках которого в беспорядке валялись разноцветные папки.

Она пальцем провела по одной из них:

– Надо же, пыли нет. Папа, что такое Соон?

– Один очень забавный, но авторитарный мир, дорогая. Но тебе не стоит беспокоиться, мы быстро его покинем.

– В таком случае, профессор, запускайте эту допотопную рухлядь! – тоном, не терпящим возражения, произнес я. – Мы уходим отсюда немедленно!

– Боюсь вас огорчить, молодой человек, – ответил мне профессор. – Прямо отсюда уйти нам не удастся. Этот экземпляр работает только на прием объекта.

– Что? – изумился я. – Что значит «только на прием»?

Профессор не ответил. Он лишь развел руками и извиняюще улыбнулся.

Я в два прыжка оказался около него и, схватив за грудки, стащил с тумбы:

– Послушайте! Это благодаря вам я очутился здесь! Меня дома ждет мой пес. Давайте, что хотите, но заставьте портал работать в другую сторону!

Не ожидавший от меня такой реакции, профессор побелел и пролепетал:

– Это было сделано специально, много лет назад. Чтобы портал работал в обе стороны, его надо программировать, а я не умею этого делать!

К нам подбежала Лизи и, вцепившись в мои руки, стала оттаскивать меня от отца:

– Не смей с ним так обращаться! Он же не виноват! Никто не знал, что так получится! Успокойся и держи себя в руках!

Мне было трудно это сделать, но я все-таки отпустил профессора. Тот облегченно выдохнул и хотел что-то сказать, но в этот момент Джул окликнула нас. Мы обернулись к ней. Она стояла в противоположном конце лаборатории, около длинного стола и держала в руках небольшой листок бумаги. Убедившись, что мы переключили на нее свое внимание, Джул сказала:

– Вы так мило смотрите со стороны. Все эти выяснения отношений...

– Что тебе надо? – перебил я ее.

– Лично мне? Пока ничего. Но вот вас, двух идиотов, может заинтересовать послание на этом листке бумаги.

Джул выразительно посмотрела на нас с профессором.

– Какое послание? – я нахмурил брови.

Усевшись на стол и положив одну ногу на другую, она стала читать:

– «Уважаемый Артур! К сожалению, мои дела складываются таким образом, что я не могу лично встретить вас и вашу очаровательную дочь в оговоренное время. Из-за боязни ошибиться, я оставил вам несколько комплектов одежды, так как не в курсе ваших нынешних размеров. Машина на стоянке, ключ в замке зажигания. С уважением, ваш друг – профессор Ройтман».

Дочитав, Джул помахала бумажкой над головой и слезла со стола. Мы подошли к ней. Я еще раз пробежал глазами по письму, потом посмотрел на две стопки одежды и, не переставая злиться, сказал:

– Как интересно! Оказывается, вас здесь ждали...

– Ждали, – подтвердил профессор, – правда, два года назад.

– Два года назад? – переспросила Джул. – Значит, вы давно планировали побег...

– Я много что планировал. Ну что же, давайте переоденемся, а то я не люблю ощущать на себе мокрую одежду.

Выбрав себе светлые шорты до колен и широкую полосатую футболку, я отправился на поиски умывальника. Минут через пять я стоял под прохладной водой в душевой кабинке туалета и старательно смывал с себя грязь родного мира. Быстро приведя себя в порядок, я уступил место остальным...

Найти нужную машину оказалось легко – в подземном гараже стоял всего лишь один автомобиль с закрытым фургоном. Профессор Ройтман предусмотрел и это. Во всяком случае, наличие фургона позволяло отцу Лизи не принимать лекарства. Когда мои попутчики устроились в машине, я, сев за руль, повернул ключ в замке зажигания, и машина, несмотря на то, что простояла два года, завелась с пол-оборота. Рядом с приборной доской вспыхнул небольшой экран, на котором отразилась схема проезда. «Слава богам, навигатор имеется», – подумал я и нажал на педаль газа. Машина плавно тронулась с места, и мы выехали из гаража.

Что я могу сказать об этой поездке... Мне безумно хотелось курить. Кондиционер в машине отсутствовал, поэтому было очень душно и жарко. Навигатор молчал. Он не сломался – нет. В нем просто не было предусмотрено такой функции. Я даже не подозревал о существовании подобных гаджетов. Мне все время приходилось сверяться с его экраном, чтобы не пропустить поворот. В конце концов, Лизи перелезла на переднее сидение и стала мне помогать.

С того момента, как мы выехали из гаража, прошло часа полтора, а город, по которому мы ехали, все не кончался и не кончался. Он был просто бесконечным. И не только в ширину или в длину, но и в высоту.

Мы двигались среди гигантских небоскребов и порой, то ли из-за высоты зданий, то ли на самом деле, улицы казались слишком узкими. Еще одной странностью было то, что в городе отсутствовала зелень. Впрочем, как ей расти в таких условиях? Солнца не видно, кругом сплошная тень. Людей, как и машин, практически видно не было. Создавалось впечатление, что мы едем по заброшенному городу.

Наконец, следуя стрелке на экране, мы въехали в подземный гараж одного из небоскребов, где нас ждал очередной сюрприз в виде огромного количества машин. Около часа мы блуждали по многочисленным уровням в поисках свободного места, и, когда оно нашлось на самом нижнем – минус пятидесятом этаже, я, облегченно вздохнув, припарковал машину.

Теперь оставалось только отыскать квартиру профессора Ройтмана, так как оказалось, что отец Лизи понятия не имел, на каком этаже живет его коллега. Хорошо, что рядом с лифтами висела сенсорная панель с именами всех жильцов дома. Отыскав среди них нужное нам имя, мы вошли в лифт, и я нажал на кнопку вызова. На наше счастье, профессор Ройтман оказался дома. Его низкий, чуть хрипловатый голос, раздался из динамика:

– Меня нет дома, и я никого не жду...

Профессор Зарин тут же воскликнул:

– Каиир! Это я – Артур!

– Артур? – в голосе профессора Ройтмана послышалось недоумение. – Ты здесь?

– Конечно, здесь! Как нам до тебя добраться? Как я понимаю, чтобы лифт тронулся, нужен специальный ключ.

– Ты не один?

– Нет. Со мной дочь и ее приятель с матерью.

– Сейчас я вас подниму...

Раздался щелчок, двери скоростного лифта закрылись, и он плавно устремился вверх, на сто шестьдесят второй этаж.

Каиир подждал нас у самых дверей. Низко поклонившись, он сказал:

– Приветствую вас в моем скромном жилище.

Мы вышли из лифта и остолбенели. Его «скромное жилище» занимало весь этаж и напоминало дико запущенный сад, по которому местами была расставлена мебель. Вместо пола под ногами стелилась настоящая трава, а большую часть высокого потолка закрывала крона деревьев.

Это позже я узнал, что на Сооне было мало свободной земли, и при проектировании гипернебоскребов заранее закладывалась возможность присутствия кусочка природы. Но пока я этого не знал, то в своем незнании ошеломленно наблюдал за маленькими разноцветными птицами, перелетающими с одной ветки на другую. Вместе со мной за их действиями лениво наблюдали четыре толстых существа, внешне напоминавших обыкновенных котиков, правда, с очень короткими хвостами и глазами яркого изумрудного цвета.

Сам хозяин квартиры был мужчиной высоким, крепкого телосложения, с седой, но густой шевелюрой. Одет он был, как и я, в удлиненные светлые шорты и полосатую футболку. Видимо, мужская одежда, что он оставил в лаборатории, была из его гардероба. Мне стало любопытно, где он взял женскую – в доме явно не чувствовалась женская рука.

Усадив нас в удобные мягкие кресла, Каиир поинтересовался:

– Как добрались?

– Спасибо, мой друг, все хорошо. Как видишь, нас больше, чем предполагалось изначально, – ответил профессор Зарин.

– Простите, можно воды? – попросила Лизи.

Профессор Ройтман улыбнулся и скрылся за ближайшим толстым стволом дерева. Вскоре он вернулся с подносом, на котором стояли высокие узкие стаканы, наполненные янтарной жидкостью. Поставив поднос на низкий столик, он сел в свободное кресло. Я протянул руку и, взяв стакан, сделал глоток. Жидкость оказалась немного солоноватой, но приятной на вкус. Прежде чем вернуть стакан на место, я спросил:

– Это ваша вода?

– Ну что ты, – ответил мне профессор Ройтман, – это напиток гостеприимства.

– А простой воды можно?

– Ее здесь сколько угодно...

Мы с Лизи переглянулись. Было видно, что она, как и я, ничего не поняла. Джул, спросив у хозяина дорогу в туалет, поднялась и скрылась за ближайшими кустами. Я рискнул задать еще один вопрос:

– Простите, у вас найдется пара сигарет?

Профессор Ройтман подпрыгнул в своем кресле и закричал:

– Вы с ума сошли! Сигареты?! У нас здесь не курят! От этой пагубной для здоровья привычки мы избавились пятнадцать лет назад! И не смейте обращаться ко мне на «вы»! Это пережиток прошлого! На Сооне все граждане равны!

От такого взрыва эмоций я онемел. Профессор Зарин тоже удивленно посмотрел на своего друга, а Лизи, мягко улыбнувшись, сказала:

– Простите нас. Мы не хотели вас... тебя обидеть. Мы не знали...

Профессор вцепился в подлокотники своего кресла так сильно, что у него побелели костяшки пальцев. Внезапно он подскочил и скрылся за деревьями. Минут через пять Каиир вернулся и снова уселся на свое место. В руках он держал небольшую коробочку. Поставив ее на столик, профессор сказал, обращаясь ко мне:

– Возьми и прими два шарика.

Я взял коробочку и открыл ее. В ней лежали маленькие шарики серого цвета.

– Что это? – спросил я у него.

– Специальный препарат, – ответил он, зажав руки между коленями, – не будет тянуть курить.

Я взял шарики и сунул их себе в рот. Лизи последовала моему примеру.

Профессор Ройтман, покачиваясь в кресле, произнес:

– Если опять захочется курить, примите еще по одному шарик.

Я спрятал коробочку в карман. Курить больше не хотелось.

Отец Лизи, наблюдавший за своим другом, спросил:

– Каиир, у тебя все в порядке?

Тот тяжело вздохнул:

– Все меняется, мой друг. И меняется не в лучшую сторону. Простите, что сорвался, – и он откинулся на спинку кресла.

– Скажи, почему ты удивился нашему приходу?

Каиир внимательно посмотрел на Артура и ответил:

– Почему вы сразу не направились к другому порталу? Я же ввел в навигатор нужный адрес, оставил все документы...

Мы переглянулись.

– Ты что-то путаешь, профессор, – я, наклонившись вперед, уперся локтями в свои колени. – Документов там не было – только одежда и записка от тебя. И навигатор привел нас именно сюда – в твой дом.

Профессор побледнел:

– Как не было документов?... Значит...

Он не успел договорить. С мягким звучанием открылись двери лифта, и из него выпорхнула невысокая рыжеволосая девушка. Широко улыбаясь, она направилась прямо к нам.

– Юна! – воскликнул отец Лизи.

Девушка остановилась и недоуменно посмотрела на незнакомца.

Профессор Ройтман засмеялся:

– Ну что ты, Артур! Это не Юна. Это ее дочь.

– Дочка Юны? – поразился профессор Зарин.

Девушка подошла к Каиiru и нежно поцеловала его в макушку. Тот расплылся в улыбке: – Совершенно верно. Юрия – моя внучка. Ты ведь ничего не знаешь! Юна и ее муж погибли.

– Как? Когда? – отец Лизи был просто обескуражен.

– Шестнадцать лет назад, – пояснил Каиир, – в экспедиции. С тех пор Юрия утешение для нас с женой.

– Как жаль! – было видно, что профессор Зарин огорчен этим известием.

– Да-да, – с грустью подтвердил Каиир и обратился к внучке. – Тебе что-то понадобилось, дорогая?

– Бабушка просила взять у тебя лечебные семена. У нее второй день болят ноги.

– В таком случае, – ответил ей дед, поднимаясь с кресла, – пока я буду собирать семена, развлекай наших гостей.

Юрия кивнула головой и тут же плюхнулась на его место.

– Каиир, – поднимаясь с кресла, окликнул профессора отец Лизи, – позволь составить тебе компанию.

– Не возражаю, – ответил Каиир, и оба профессора, не спеша, удалились в глубину сада.

Вернулась Джул. Юрия без стеснения стала ее рассматривать.

– Спорим, что ты не из нашего мира? – сказала она, широко улыбаясь.

Джул лишь хмыкнула и закрыла глаза, всем своим видом показывая, что ей не интересна эта юная особа. Лизи, наоборот, моментально нашла общий язык с девушкой, и они принялись оживленно болтать. Я же, извинившись, решил прогуляться по этому необычному жилищу.

Сад, несмотря на свое запущенное состояние, был красив. Кроме деревьев в нем росло достаточно много дивных цветов, которых я никогда не встречал в нашем мире. Только сейчас, гуляя между деревьями, я понял, что имел в виду профессор Ройтман, когда говорил о воде – она действительно была здесь повсюду. То тут, то там, подобно змейкам, текли небольшие ручейки. Несмотря на то, что все окна в квартире были распахнуты настежь, стояла невыносимая духота. Увидав на небольшом пеньке пустую чашку, я быстро наполнил ее водой и выпил. Вода была изумительной – прохладной и очень вкусной.

В одном из уголков сада мое внимание привлек массивный письменный стол зеленоватого оттенка, заваленный кипами бумаг, книгами и предметами, назначение которых мне было не известно. Мне стало любопытно, и я подошел ближе. Одна из вещиц, стоявшая на самом краю стола, была очень похожа на наш глобус. Его шар парил над тонкой стальной иглой, воткнутой в небольшой постамент. Я присмотрелся. На этом глобусе, как и на наших, были отмечены широта и долгота. Имелись два полюса. На этом схожесть заканчивалась. Разница была в материках. Вернее, в одном материке, который узкой полосой опоясывал их землю ровно по экватору. Все остальное пространство занимала вода. Вот почему у них было так душно и жарко.

Поблуждав еще немного и набрав воды для Лизи, я вернулся обратно. Она с благодарностью посмотрела на меня и, выпив все, сказала:

– Софи, ты бы послушал, что нам Юрия тут рассказывает.

– И что же такого она рассказывает? – осведомился я.

– Если кратко, – ответила Лизи, – то дело обстоит следующим образом. Соон состоит из семи коммун, не имеющих собственных названий. Главной считается четвертая, где сосредоточены все правительственные организации. Раз в пять лет здесь проходят выборы президента. От каждой коммуны выдвигаются по пять самых достойных граждан, после чего, жители всего Соона выбирают достойнейшего из их числа. Что самое интересное, уже третий раз подряд один и тот же человек становится первым лицом, что вызывает у многих недовольство. Его зовут Адо.

– Как обстоят дела с порталами? – спросил я.

– Здесь есть порталы, но для внутренних нужд они не используются, хотя для связи с другими мирами Мультиверса их применяют. Однако не все жители Соона имеют доступ в другие миры.

Выслушав все это, я внимательно посмотрел на Юрию:

– Скажи, далеко до четвертой коммуны?

– Очень далеко... Если на машине, то недели две, может быть, три займет, а на поезде – неделю...

– А если самолетом или каким-то другим летающим средством? – спросил я.

Юрия с ногами забрала в кресло и тихо ответила:

– Очень давно у нас были машины, на которых мы летали, но они часто падали, разбивались и люди гибли. Мои родители тоже погибли в одной такой машине. Сейчас никто не летает. Это очень плохо. Мы не ангелы, чтобы подниматься в воздух на крыльях.

– Кто тебе это внушил?! – ахнула Лизи.

– Никто. Это Откровение от Великого Ангела, спустившегося с небес.

– Маразм какой-то, – фыркнула Джул, не открывая глаз.

– А что за Ангел? – спросил я.

– Не знаю. Его видел только Адо. Но Ангел о многом предупредил граждан Соона. И о катастрофах, и о наводнениях, и о землетрясениях. И сказал, что если мы не будем послушны, то наступит конец света.

– Расскажи подробнее, – попросил я.

Юрия удивленно подняла брови:

– А вы не знаете? Ого! Боги, сотворившие нас, расстроены. Мы забыли о них. Скоро они устанут нас прощать, и тогда прольется на землю огненный дождь. И только новая раса найдет спасение и будет процветать, и здравствовать долгие века. Это касается всех миров.

– Что за новая раса? – насторожилась Лизи.

– Великий Ангел обещал похлопотать перед богами за ныне живущих, но при одном условии – мы должны уже сейчас начать творить новых людей, которые и будут спасены. И все граждане Соона сейчас работают над созданием гражданина в двух лицах.

– Боже мой, – хохотнула Джул. – В двух лицах? Это как? Спереди и сзади?

– Нет, – обиженно насупилась девушка. – Это когда человек сразу рождается двуполом.

– Гермафродит что ли? – уточнила Джул.

– Герма... Что? – переспросила Юрия.

– Не важно, – махнула рукой Джул и поднялась с кресла. – Пойду пройду по джунглям.

И она ушла.

– Кого она имела в виду, называя странным словом? – Юрия с любопытством переводила взгляд с Лизи на меня.

– Не обращай внимания, Юрия, – сказала Лизи. – Расскажи лучше, как ты сама относишься к появлению людей с двумя лицами?

– Хорошо, – ответила внучка профессора. – Это классно! Сегодня, к примеру, ты – мужчина, а завтра проснулся и захотел стать женщиной. А вы знаете, что сказал Великий Ангел? Он сказал, что новый гражданин будет жить в мире, где землю населяют полулюди и полубоги.

Она хотела еще что-то сказать, но тут из глубин сада показались оба профессора. Они о чем-то горячо спорили.

– Как ты не поймешь, Артур, ты не сможешь попасть в прошлое, которое ты помнишь! – кипятился Каиир.

– Однако скитальцы во времени попадают в эти слои, – громко, но спокойно отвечал ему отец Лизи.

– Бред! Бред! И еще раз бред! Ваше правительство дурит вам голову! Этим они несколько не отличаются от нашего! – не унимался профессор Ройтман.

– Когда-то и порталы между мирами считались бредом.

– Сравнил! Создать порталы было нетрудно. Они были повсюду. Их создала сама природа. Мы просто их не замечали. А теперь вспомни, что было сложнее всего на первых этапах? Во всяком случае, в вашем мире.

– Пропустить живое существо сквозь червоточину.

– А напомните мне, уважаемый профессор Зарин, почему?

– Каиир, к чему весь этот балаган? – раздраженно спросил отец Лизи.

– А к тому, профессор, что я хочу напомнить тебе, что и ты, и твои коллеги даже представить себе не могли, что может произойти с живым существом внутри портала! Его могло раздавить, разорвать – да все что угодно! – и Ройтман потряс в воздухе кулаками. – А все почему?! – и он перешел на громкий шепот: – Потому что там, внутри любой червоточины, физики нет! Там обитает зона беззакония...

– Но мы же нашли способ проходить сквозь них!.. – не сдавался профессор Зарин.

– Да, нашли! Вы это сделали! Смешали чуточку отрицательного вещества с большим количеством отрицательной энергии и получили свой коктейль для выхода в Мультиверс! Но путешествие во времени – это не прогулка по улице. Перемещаясь во времени, надо знать законы времени. А их нет, потому что времени нет! – Каиир уже хрипел, а не кричал. – Это мы – люди – его придумали. Оно у нас в головах. А если и есть, то его вектор направлен только в одну сторону – вперед. Время не умеет искривляться так, как искривляется пространство!

– Если время сопутствует пространству, то и искривляться оно должно вместе с ним, – парировал Артур Зарин.

– Ерунда! – ярости профессора Ройтмана не было предела. – Предположить, что время сопровождает пространство! Выдуманная величина и бесконечность! Ничто, в том числе и время, не может существовать рядом с пространством!

И Каиир, зачесав пятерней свои волосы назад, направился к нам. Поджав губы, он уселся в кресло и бросил на столик бумажный конверт. Положив одну ногу на другую, он тут же поменял их местами. Прodelав это несколько раз, Каиир, наконец, успокоился и, указав пальцем на пакет, сказал внучке:

– Возьми! Передай бабушке, что я увижусь с ней, как положено, в День близости.

Юрия взяла пакет со стола. Чмокнув деда в макушку, она помахала нам всем рукой и устремилась к лифту.

– Прости, – сказала Лизи. – Возможно, я не должна вмешиваться в личную жизнь, но что значит «день близости»?

Профессор махнул рукой и, тяжело вздохнув, потер пальцем глаз:

– Уже лет двенадцать, как мужчинам запрещено жить вместе с женщинами. Даже если они муж и жена. Да, они имеют право на близость, но только один раз в неделю. Остальное время, пожалуйста, ходите вместе в театры, посещайте музеи, рестораны, но жить под одной крышей нельзя. И все почему? – профессор снова поменял положение ног. – У нас великая цель – создание нового человека – человека бесполого! Абсурд!

– Твоя внучка нам озвучила в общих чертах, – сказал я.

– Что она может знать – она еще подросток! – ухмыльнулся профессор Ройтман. – Об этой афере миров надо слагать легенды. А все этот солнцеподобный Адо.

Вернулась Джул. В руках она держала веточку черники.

– Не возражаете? – спросила она у профессора Ройтмана, наплевав на равенство всех граждан Соона. – Я проголодалась.

Профессор молча кивнул головой.

– Джул, – я посмотрел на мать, которая с упоением поглощала ягоды, срывая их одна за другой своими тонкими пальцами. – Здесь принято обращаться друг к другу только на «ты».

Джул пожала плечами и произнесла:

– Как скажите.

Повернув голову к Каиiru, я попросил:

– Профессор, что на Сооне происходит? Поясни.

Профессор откашлялся и стал говорить:

– В какой-то момент времени некоторым гражданкам Соона мужчины стали больше не нужны. Зачатие – без них, вынашивание – без них, воспитание детей, карьера – тем более без них. Конечно, виноваты и другие факторы – нехватка времени для поиска партнера, нежелание сидеть дома и вести домашнее хозяйство, да и много чего другого. И вот лет тридцать назад на свет стали появляться двуполые существа. Сначала один, потом еще один, а потом им и счет потеряли. Поначалу это списывали на стрессы и генетические мутации, затем решили, что из-за того, что на Сооне мужчин меньше, чем женщин, то природа сама решила подкорректировать человека. Но вот что странно: все эти двуполые были рождены женщинами, проживающими или побывавшими в пятой коммуне, причем в одной и той же местности. И поползли слухи, что в те места частенько навещается некто, кто называет себя Великим Ангелом. И как только эти слухи заполонили Соон, многие женщины словно с ума сошли. Как же! Всем хочется иметь ребенка от посланника богов. И побежали в пятую коммуну. А после того как к власти пришел Адо, эта коммунa стала центром новой религии. И название ей дали – «Долина богов».

– А что это за Ангел? – прервала его Лизи.

– Да граничит тут с нашим миром еще один. Вот этот «Ангел» оттуда и появляется.

– А ты видел его? – решил уточнить я.

Не открывая глаз, Каиир ответил:

– Я – нет, но слышал много интересного. Поговаривают, что там обитают полулюди-полуживотные.

– Прости, кто? – не поняла Лизи.

Профессор открыл глаза и поднялся с кресла:

– Туловище человека, а голова животного или птицы. И наоборот. Мне рассказывали, что видели людей с козлиными копытами и рогами, а еще быков с человеческими головами.

– Глупости все это. Очередная легенда, – сказала Джул, бросая веточку на траву.

– Верить или не верить – твое право, – ответил ей профессор Ройтман и добавил. – Я отлучусь ненадолго. Постарайтесь не скучать.

Когда профессор скрылся за ближайшими кустами, я заметил:

– Станный он человек. Впрочем, как и его мир.

– Любой мир странен, – ответил на это профессор Зарин.

Мы замолчали. Каждый думал о чем-то своем. Внезапно Лизи спросила у отца:

– Папа, мы тут стали невольными свидетелями твоего спора с Каииром. Мне показалось, что его аргументы достаточно сильны. Надеюсь, ты передумал возвращаться в свое прошлое?

Профессор строго посмотрел на свою дочь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.